ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Сергей Одиноков
(г. Тула)

СПАСИТЕЛЬ НАШЕГО ГОРОДА

Выпускник Тульского областного колледжа культуры и искусства и филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3; 2014 г., № 3; 2015 г., № 2), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахах «День тульской поэзии» (2013 г.), «НЛО» (2013 г.) и «Ковчег» (2012—2015 гг.).

Посвящается 160-летию со дня рождения выдающегося земляка, санитарного врача и истинного патриота г. Тулы П. П. Белоусова.

Посреди Тулы раскинул кроны своих могучих деревьев Центральный парк культуры и отдыха им. П. П. Белоусова. Идешь по его гладким, ухоженным дорожкам, а навстречу тебе выбегают неугомонные, шустрые и любопытные белки. С деревьев доносится сказочное пение птиц. Приветливый солнечный свет пробивается сквозь листву и нежно ласкает тебя своими лучами. И воздух вокруг такой свежий, живительный... Поистине волшебная атмосфера! Не зря Центральный парк культуры и отдыха — любимое место досуга всех туляков и гостей города. По его аллеям прогуливались Л. Н. Толстой, В. В. Вересаев, а С. А. Есенин, побывав в Туле в 1918 году, был просто очарован его красотой. «Полюбил я ваш парк! — говорил поэт. — Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. Это самое лучшее, что есть в Туле».

Центральный парк — гордость не только туляков: он по праву входит в десятку лучших парков Европы. На его территории имеются редкие виды растений и животных, поэтому он является особо охраняемой природной территорией и отнесен к объектам общенационального достояния. Ни один город России не может похвастаться столь разнообразным природным комплексом и прекрасным местом для досуга. Поэтому сохранить парк и передать его будущим поколениям — наша почетная обязанность.

Однако мало кто знает, что на месте ныне благоухающего и цветущего парка в конце XIX века располагалась... свалка! Да и Тула сама по себе была далеко не привлекательным местом: кругом — болота и наполненные водой зловонные канавы, на улицах — непролазная грязь и разбросанный повсюду хлам. И в воздухе — духота, пыль и отходы от промышленных предприятий. Ни деревьев, ни благоухающих цветов, ни поющих птиц — ничего! Хотя в дворянской части города были и деревья, и кустарники, но в кварталах рабочих и бедняков — пустота. У многих в садах, правда, росли груши, сливы, яблони... Но все это, как правило, в небольшом количестве и только на территории участка. Все, что за ней,— «чужая», неухоженная, никому не нужная земля...

Естественно, что в такой обстановке бактериям и микробам было полное раздолье. И Тула вымирала от повальных болезней: в городе и области постоянно вспыхивали очаги инфекционных заболеваний. Из-за плохой воды жители болели брюшным тифом, страдали от желудочно-кишечных расстройств. В деревнях бушевали венерические болезни. Многие люди были совершенно неграмотны в вопросах личной гигиены. Средняя продолжительность жизни туляков не превышала даже 22 лет. Городу был просто необходим человек, который мог бы исправить положение, просветить жителей, спасти их от вымирания. И таким спасителем стал санитарный врач П.П. Белоусов.

Что же нам известно о нем?

Петр Петрович Белоусов родился 23 января 1856 года в селе Мантырьево Одоевского уезда Тульской губернии. Его отец, Петр Александрович Белоусов, выпускник Тульской духовной семинарии, служил в местном приходе священником. В семье царил мир, покой и порядок. Родители с раннего детства приучали детей к трудолюбию, никогда не делали за них то, что они могли сделать сами. За каждым ребенком были закреплены свои обязанности по дому. Старшие с теплотой и заботой относились к младшим, и все дети охотно помогали родителям.

Белоусов поступает сначала в Тульское, а затем в Белевское духовное училище, которое оканчивает с похвальной грамотой. В 1872 году юноша приезжает в Тулу и учится в духовной семинарии. Казалось, что его судьба решена: Петр Петрович, как и отец, станет священником. Но будущего спасителя Тулы тянула другая стезя — наука. И в 1876 году, успешно окончив семинарию, П. П. Белоусов поступает в Московский университет на медицинское отделение. При этом на его плечи навалился огромный материальный груз: выпускнику семинарии полагалось быть только священником, и Петр Петрович, отказавшись от церковной службы, должен был заплатить духовному ведомству штраф 180 рублей (сумма денег, потраченная на его содержание). В семье с пониманием отнеслись к решению сына посвятить свою жизнь медицине, но оказать посильную материальную помощь не могли: не было средств. Ценой огромных усилий молодому человеку удается собрать требуемую сумму.

В 1880 году Петр Петрович окончил Московский университет и 2 июня был утвержден в степени лекаря. С этого момента начинается его великий труд на медицинском поприще. 2 года он проработал сельским и городовым врачом в Подольской губернии, затем — 6 лет в Одоевском уезде и в самом Одоеве. В своей работе

П. П. Белоусов проявил бескорыстность, честность, безграничную любовь и заботу о пациентах. Самой высшей ценностью для него была человеческая жизнь. И санитарный врач делал все, чтобы спасти каждого. Нуждаясь сам, он не брал деньги за лечение и бесплатно снабжал лекарствами своих бедных больных. Петр Петрович откликался на каждый призыв о помощи, в любое время суток отправлялся в самые глухие концы уезда и возвращал к жизни почти безнадежно больных людей.

И жители окрестных сел и деревень всем сердцем полюбили заботливого доктора. В каждом доме его встречали улыбкой, проходя по улице, низко-низко кланялись в пояс. К нему шли за советом, как к родному отцу. И Петр Петрович просвещал жителей, учил содержать себя и свой дом в чистоте, заботиться о своем здоровье.

О полной преданности врача своему делу свидетельствует один случай: жителю деревни О-ва, болевшему сифилисом, было необходимо ехать лечиться в Тулу. Больной поставил Белоусову условие: он отправится в город на лечение, если оно будет бесплатным, доктор оплатит дорогу до Тулы и обратно, будет кормить за свой счет и еще даст 3 рубля. И Петр Петрович не только выполнил все эти «непременные» требования деревенского жителя, но и после лечения часто проведывал своего бывшего пациента, осведомлялся о его самочувствии!

В апреле 1886 года П. П. Белоусов временно уходит в отставку для того, чтобы продолжать учебу. Он отправляется в Петербург сдавать экзамены на степень доктора. Осенью 1889 года Петр Петрович едет в Москву к профессору Ф. Ф. Эрисману — своему главному наставнику, под чьим руководством он позже будет защищать диссертацию. А еще в мае П. П. Белоусову предложили в Туле должность санитарного врача. Петр Петрович соглашается, но с условием, что ему ежегодно будет предоставлен двухмесячный отпуск для научных занятий в столичных лабораториях.

И вот Белоусов снова в Туле. С. А. Рассаднев, наш тульский педагог, краевед и писатель, так описывает внешность санитарного врача: «Удлиненное чистое лицо. Высокий лоб. Густые брови. Треугольничек усов, бородка, идущая от ушей. Шею красиво облегает белый воротничок. Под форменный пиджак уходит темный галстук, завязанный широким узлом. Волосы подстрижены коротко, расчесаны на косой пробор». Увидев, в каком состоянии находится город, санитарный врач пришел в ужас. Необходимо сказать, что антисанитария — проблема не только Тулы: от этого страдала Россия в целом, а также страны Западной Европы и США. Для решения проблемы необходимы были серьезные меры. И вскоре такие меры были приняты.

Сначала Белоусов совершил подробный осмотр города. Все подмеченные им нарушения строго заносились в записную книжку. Благодаря работе санитарной комиссии, председателем которой был В. И. Смидович, удалось выяснить основные причины смертности населения: плохое водоснабжение, неудовлетворительная очистка территории и антисанитарные условия жизни тульских мастеровых. К этому прибавлялась полная безграмотность людей в вопросах гигиены и беспробудное пьянство. И Белоусов со своими коллегами приступает к работе по спасению горожан.

В Туле было много нищих и бездомных. По инициативе П. П. Белоусова в городе создается дом трудолюбия, где все бедные смогли найти себе заработок. Был открыт и городской ночлежный дом для всех тех, кто не имел крыши над головой — не царский дворец, но все же с лучшими условиями, чем в частных ночлежках.

Очень беспокоило санитарного врача и состояние городского рынка, где присутствовало большое количество поддельных пищевых продуктов. На рынке можно было запросто купить разбавленное водой молоко, маргарин по цене коровьего масла... Подделкам не было конца! И Петр Петрович открывает специальную химическую лабораторию, следившую за качеством товаров, создает санитарно-аналитическую станцию. Суррогаты исчезли.

Огромная проблема была и с отхожими местами. Для ее решения П. П. Белоусов совершает большое путешествие, изучает состояние очистки отбросов более чем в 60 городах России и за границей. В результате его плодотворных исканий в 1890 году в Туле, впервые в мире, появились так называемые ассенизационные поля: все нечистоты вывозились на специальные участки, которые распахивались и засевались зерновыми и огородными культурами. Земля перерабатывала нечистоты и превращала их в необходимые для роста растений вещества. Таким образом, решались сразу две задачи: санитарная и агрономическая. Первые поля ассенизации послужили образцом создания их в других городах России, и скоро в Тулу со всех концов страны и даже из-за рубежа стали приезжать специалисты и перенимать опыт работы П. П. Белоусова.

Большие сложности были и с водоснабжением. Жители города и области брали воду из колодцев и реки, либо покупали ее у водовозов, которые наполняли свои бочки той же речной водой. Было необходимо строительство водопровода. И П. П. Белоусов приложил все усилия для его создания: читал лекции о необходимости строительства водопровода, выпустил за свой собственный счет брошюру «Данные для санитарной оценки русских водопроводных вод», докладывал о тяжелых случаях заболевания населения брюшным тифом на заседаниях тульской санитарной комиссии и, в конце концов, добился результатов. В ноябре 1893 года водопровод был открыт. Хотя качество воды в нем было еще достаточно низким, да и пользовались им далеко не все, но это стало огромным шагом на пути оздоровления Тулы.

И, наконец, одной из важнейших заслуг П. П. Белоусова было создание парка.

На южной окраине города торчал выжженный солнцем и истоптанный коровьими копытами небольшой клочок земли — выгон для скота. А рядом с ним располагалась огромная городская свалка. Весной 1893 года все чаще и чаще стал приходить на это место Петр Петрович. «Работают люди, как в аду,— думал врач,— а отдыхать им негде. Город не имеет ни окрестностей, сколько-нибудь замечательных, ни воды, ни лесу: камни-голыши да опаленные солнцем холмы». И возникла у него идея создать здесь парк. Его появление позволяло решить сразу две важнейшие задачи: во-первых, у туляков появится замечательное место для отдыха, а во-вторых, почва сама переработает отходы, изолирует их от человека, и тогда исчезнет необходимость отодвигать свалку от наступающих городских строений.

И Петр Петрович вступает в спор с городским начальством. Его убеждали, что особой надобности в парке нет, что главная проблема города — болота, нужно сначала их осушить, а затем, если потребуется, то можно и парк разбить. Но санитарный врач был настойчив и вскоре с помощью своих товарищей-единомышленников добился выдачи территории свалки и загона под парк. Однако никакой помощи при его возведении оказано не было.

Тогда санитарный врач сам стал воплощать в реальность свой замысел. На его средства были закуплены саженцы из государственных засек. И Петр Петрович стал ежедневно выходить на территорию будущего парка и собственноручно сажать деревья. Посмотреть на эту работу приходила огромная толпа зевак. Одни просто глазели, другие посмеивались, считая, что «барин дурака валяет», а третьи и вовсе возмущались: «Какого выгона не стало! Куда теперь коровушек гонять будем? Выдумщик тоже нашелся, лихоманка его возьми!»

Но Петр Петрович не обращал внимания на толпу и продолжал трудиться. Поначалу он работал один. Потом к нему присоединились его верные друзья и помощники: председатель санитарной комиссии Викентий Игнатьевич Смидович и городовой врач Федор Сергеевич Архангельский. Потом появились учителя гимназий со своими учениками. Постепенно ротозеев и зевак становилось все меньше, число помощников

увеличивалось... И вскоре работа закипела! Создание парка стало общим благородным делом. Те, кто еще вчера думали только о себе и равнодушно смотрели на «чужую» неухоженную землю, теперь трудились не покладая рук на благо родного города. Видя, как население неустанно создает зеленый уголок, городские власти, в конце концов, «расщедрились» и выделили средства. И работа пошла с удвоенной силой! Каждую весну труды по озеленению города возобновлялись: покупались новые саженцы, делались подсадки. Парк рос в высоту, расширялся, и вскоре под сенью его деревьев стали мило прогуливаться горожане, вдыхая прелестный запах молодой листвы и цветов.

Вот так, благодаря усилиям П. П. Белоусова, на южной окраине Тулы на месте свалки и выгона появился великолепный парк!

Вскоре, однако, здоровье санитарного врача стало ухудшаться. Петр Петрович тратил все силы на благоустройство города, ему давно требовался отдых, но санитарный врач продолжал трудиться: без отпусков, без выходных, без передышки... Однажды, в ненастную погоду, собирая пробы почвы с ассенизационных полей, П. П. Белоусов заболел гриппом, который затем осложнился суставным ревматизмом и плевритом. Болезнь на семь месяцев приковала санитарного врача к постели, но он все равно не переставал работать: ведь нужно было защищать диссертацию...

И 13 апреля 1896 года в Москве П. П. Белоусов с успехом защитил свою работу. Он не стоял за кафедрой, а сидел: очень сильно болела нога и беспокоила высокая (38,5) температура. Коллеги высоко оценили вклад П.П. Белоусова в развитие медицины, и 4 мая 1896 года определением университетского Совета Белоусов был утвержден в степени доктора.

Болезнь тем временем прогрессировала. 30 мая Петра Петровича отвезли в Москву в больницу профессора А. А. Остроумова. У больного обнаружили «болотную лихорадку» и развивающийся туберкулез. По рекомендациям врачей Белоусов едет на лечение в Ялту. Через месяц его парализовало. Но и тяжело больной, умирающий санитарный врач продолжает думать о родном городе: столько еще предстоит сделать! Из-под пера доктора выходит статья «К вопросу об обезвреживании нечистот почвою», которая была опубликована в журнале «Общественно-санитарное обозрение» за 1896 год (№№ 14, 15).

29 июня товарищ-врач привозит умирающего Белоусова домой. И в ночь на 2 августа Петра Петровича не стало.

Заботливый доктор и истинный патриот города был похоронен в Туле на Всехсвятском кладбище в воскресенье 4 августа. Проводить великого земляка в последний путь собрались люди разных сословий, чинов и профессий: представители администрации, члены судебных ведомств, врачи, педагоги, учащиеся, рабочие... Почти весь город.

Торжественную речь над могилой П. П. Белоусова произнес его близкий друг, доктор Н. И. Долгополов. «Белоусов был велик для города Тулы,— говорил он.— Будущее поколение оценит его и глубоко будет благодарно за самоотверженный труд при создании парка... Будем верить и надеяться, что мечты и идеалы санитарного врача не будут забыты на его родине...» Н. И. Долгополов также выразил надежду, что туляки в благодарность своему спасителю назовут парк именем его основателя. Спустя некоторое время так и произошло. И хотя парк неоднократно переименовывался (сначала он назывался Петровским: по названию возвышенности, на которой находился; затем, с 1906-го по 1934 годы, — Белоусовским, а во второй половине 30-ых годов носил имя полярника-исследователя О. Ю. Шмидта), его создатель не был забыт: 12 октября 1960 года ему был установлен бронзовый бюст, а спустя столетие со дня своего основания парк вновь стал носить имя Петра Петровича Белоусова.

Многое испытал на себе этот прелестный уголок: видел и революции, и Великую Отечественную войну... Но уцелел! И теперь встречает всех гостей своими зелеными объятьями. И от каждого из нас зависит его судьба. Недопустимо, чтобы детище П. П. Белоусова вновь превратилось в свалку! Необходимо помнить, как самоотверженно трудился над его созданием наш дорогой земляк. Поэтому нужно беречь парк, сохранить его для наших детей, внуков, для будущих поколений. Ведь это значит подарить им жизнь, здоровье и долголетие!

Уже давно нет с нами Петра Петровича Белоусова. Но память о нем жива, как и живы плоды его трудов. Вклад доктора в благоустройство города трудно переоценить. Он стал основателем и во многом новатором санитарной работы, которая была с успехом продолжена его преемниками: Леонидом Григорьевичем Сухининым, Виктором Петровичем Балашевым, Маргаритой Дмитриевной Львовой, Диодором Ивановичем Спасским и многими другими. О жизни и работе выдающегося врача написаны книги, статьи; сведения о нем встречаются в медицинских справочниках, энциклопедиях, биографических словарях...

К счастью, сохранился дом, в котором жил наш великий земляк: это дом № 36 по улице Пирогова. На его стене висит табличка, которая гласит: «В этом доме проживал основатель Центрального парка культуры и отдыха в г. Туле Белоусов Петр Петрович». Когда С. А. Рассаднев искал сведения о П. П. Белоусове, он заходил и сюда. Новые хозяева дома были очень удивлены и обрадованы тем, что здесь когда-то жил такой замечательный человек.

А время проносится очень быстро. Еще быстрее пролетает человеческая жизнь. И случается, что от человека на земле не остается ничего, кроме двух дат на надгробии и тире между ними... Печально. Ведь каждый из нас наверняка желает остаться в памяти потомков. И не просто остаться, а чтобы о нем вспоминали с теплом, добротой, радостью...

Сделаем ли мы что-то стоящее или нет, во многом зависит от нас самих. И примером для нас служит жизнь и деятельность выдающегося туляка, доктора медицинских наук, санитарного врача и истинного патриота Петра Петровича Белоусова.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ОККУПАЦИИ

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат Международной литературной премии «Славянские традиции» (2013), лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

НИКАКОЙ ВОЙНЫ НЕ БЫЛО

Никакой войны 22 июня 1941 года не было. Было воскресенье. Провинциальный Богородицк жил мирными заботами. Одни спешили до полуденной жары прополоть и полить огород. Другие обходили городской рынок, по сей день именуемый богородчанами на старый манер «базаром». Третьи собирались отдохнуть в парке и поплавать на пруду.

Ровно за неделю до начала войны, 14 июня, газеты опубликовали официальное заявление Телеграфного агентства Советского Союза*: «ТАСС заявляет, что... слухи о намерении Германии... предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».*

Никакой войны не было. Накануне в школах прошел выпускной вечер, и вчерашние десятиклассники думали, с чего в понедельник начнут устройство своей взрослой жизни. Они прекрасно знали Устав РККА, утверждавший, что *даже «если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с целью полного разгрома противника на его же территории».*

В кинотеатрах один за другим шли пропагандистские фильмы, сюжет которых легко укладывался в формулу: на нас напали и сильно об этом пожалели. Между прочим, кино о войне между СССР и Германией снимали еще до начала самой войны. Во всех шедеврах этой серии, в том числе в самом известном «Если завтра война» (1938 год), противник если и не назывался прямо, то его выдавала немецкая речь и форма со свастикой.

Никакой войны 22 июня 1941 года не было ровно до 12 часов 15 минут. Мой семнадцатилетний дед, возвращавшийся домой из магазина, вместе с другими горожанами остановился у репродуктора на богородицких «крестах» (перекресток современных Коммунаров и Ленина), чтобы послушать последние известия. Интернет, телевидение и мобильная связь появятся значительно позже, и уличные радиоточки — пока самый быстрый способ распространения информации.

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому

Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолетов наши города...». И тут же толпой завладело одно слово, вобравшее в себя все тревожное выступление народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова.

Странное дело эти слова. В скольких из них встречаются буквы: «в», «о», «й», «н» и «а». И лишь одна комбинация этих пяти букв означает горе, разлуку, смерть, голод, болезни... Не случайно в народе еще долго жила присказка: *«Лишь бы не было войны».*

И так же долго пели появившуюся в первые дни войны песню на мотив довоенного «Синего платочка»:

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война...

Киев, правда, бомбили в шесть утра, но не это главное.

Теперь война была.

ПСИХОЛОГИЯ НОСКОВ

Магазинные запасы соли, спичек и мыла немедленно перекочевали в закрома хозяек. Странным образом эта миграция будет сопутствовать всем социальным потрясениям страны до конца XX века. С богородицкой станции «Жданка» пошли первые эшелоны с мобилизованными и добровольцами.

— Дед, кого тогда призвали в Красную Армию?

— Поначалу мобилизации, то есть призыву на военную службу, подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно, то есть мужчины двадцати трех — тридцати шести лет. Но война сместила эти возрастные границы. Фронт поглотил и восемнадцатилетних, и тех, кому за сорок. Последний призыв прошелся по родившимся в 1926 году.

Впрочем, людей из города забирали не только на фронт. В первые месяцы войны из Богородицка были вывезены все этнические немцы. Среди них и потомки военнопленных, осевших в городе еще после первой мировой. Лев Шершов вспоминал: *«Как-то вечером я вместе с несколькими одноклассниками возвращался из горсада с танцев. Вдруг нас обогнала грузовая машина. Среди сидевших в открытом кузове мы увидели нашего Костю Шаренберга. Он закричал: «Не забывайте меня! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Вместе с Костей в машине ехала и самая молодая из наших учителей — «немка» Мария Федоровна Бекман. Со своими русыми косами она очень напоминала премьер-министра Украины Юлию Тимошенко. Бекман нравилась Косте, но он как ученик ничего себе не позволял».* Поговаривали, что богородицких немцев вывезли в Казахстан, и там они сгинули. По крайней мере, в городе их больше никто не видел.

Оставшиеся в Богородицке стали учиться выживать. Как и по всей стране, ушедших мужчин заменили женщины и подростки. Именно они практически вручную собирали урожай 1941 года. По иронии судьбы он оказался богатым. По планам первых месяцев войны уже в 1941 году Товарковский район должен был поставить фронту сотни центнеров зерна, 11019 овец, более 7 тонн шерсти и около 2 тонн овчины. Кроме этого фронтовики должны был получить 3100 пар шерстяных рукавиц, 3100 пар носок, и 1500 пар валенок.

В посылки на передовую обычно вкладывали письма примерно такого содержа-

ния: *«Дорогой боец нашей родной армии! Пусть тепло этих рукавичек согревает твои руки и твое сердце. У тебя миллионы и миллионы верных друзей и помощников. Мы верим в тебя и знаем, что враг будет разбит!»* Такие письма становились важным психологическим оружием. Воин понимал, что о нем заботятся, его помнят и любят, причем не только родные и близкие. И жизни всех этих беззащитных людей, оставшихся в тылу, зависят, в том числе, и от него.

Местный житель Иван Козарь вспоминал: *«Мы, вездесущие мальчишки (а мне исполнилось только 17 лет), тоже старались оказать помощь хоть чем-то... Через нашу станцию Товарково не один, а десятками проходили эшелоны с войсками, вооруженной техникой, в южном направлении, на фронт. И не было ни одного эшелона, которого мы бы не проводили с приветствиями, букетами полевых цветов, подношениями холодной воды и разными угощениями. Все желали красноармейцам скорой победы над фашистами».*

СОБАКИ ПРОТИВ ПРОТИВОГАЗОВ?

Спустя полтора месяца после начала войны солдаты фюрера вовсю гуляли по Минску, загорали на рижском взморье и подбирались к киевским тортам. Чем значительнее становились потери Красной Армии, тем короче делались и без того редкие сообщения о делах на фронте.

— Дед, скажи лучше, как жилось в тылу?

— В тылу нарастала паника.

— И все?

— Всех женщин, стариков и подростков, способных носить оружие, учили стрелять, ликвидировать последствия бомбежек, оказывать первую медицинскую помощь, спасаться от отравления химическими веществами.

Еще в 1930-е годы в СССР раскинулась широкая сеть кружков Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству, обучивших миллионы людей основам противохимической обороны. Первичные осоавиахимовские организации создавались даже на базе многоквартирных жилых домов. На фасадах домов, жильцы которых коллективно сдавали нормы комплекса ГТО, размещался знак «Готов к противохимической и противовоздушной обороне».

С целью пропаганды движения под девизом *«Не хочешь быть отравлен газом — учись владеть противогазом»* совершались самые невероятные акции. К примеру, в феврале 1936 года состоялся лыжный переход Москва — Ленинград. Все 75 лыжников, естественно, шли в противогазах. В Сталиногорске (ныне Новомосковск) 940 человек прошли на лыжах в противогазах и противоипритных костюмах 15 км.

А вот противогазовый переход Калинин (ныне Тверь) — Москва в феврале 1936 года вызвал неожиданную критику, так как *«лошади и собаки в пути пугались людей в противогазах. Этот факт говорит о том, что противогаз не стал обыденной, необходимой принадлежностью каждого, ... а лошади, привыкшие, например, к автомобилю, боятся противогаза».*

В предвоенные годы одной из лучших оборонных общественных организаций Тульской области считалась осоавиахимовская организация Веневского района. На ее базе как раз на границе с Московской областью и создается запасной полк, в который попал дед.

«РАИСА СЕМЕНОВНА» МОЩНЕЕ «ОГУРЦОВ»

Требовалось срочно любым способом прикрыть дыры в рядах действующей армии, поэтому в первые дни войны Генеральный Штаб Красной Армии утверждает

«Положение о запасных частях военного времени сухопутных войск». В запасные части отправляли не подлежащих призыву рабочих оборонных предприятий и не достигших призывного возраста мальчишек, окончивших 7 классов. Одними из первых запасные части создавались вокруг Москвы на пути вероятного наступления противника.

— Дед, ты был добровольцем?

— Можно и так сказать. Многие действительно просились на фронт. Другим стать добровольцами предлагали. Выбора не было. Не желавших записаться в добровольцы могли записать в дезертиры или предатели. Я вообще-то мечтал о военном училище, но не прошел по зрению.

— Но ты же все равно оказался на фронте.

— С 20 августа по 6 сентября 1941 года я был солдатом минометной роты Запасного полка, дислоцировавшегося в лесах под г. Веневом. Сначала привезли нас в Тулу. Там, где теперь Глушанки, был пересылочный пункт для таких, как я, новобранцев со всей области. Спали где придется. Мама собрала, что могла, из еды, тем и питался.

— А что потом?

— Под Веневом нас сначала направили на санитарную обработку, а затем стали беседовать, выясняя уровень военных знаний, грамотность, деловые и политические качества. После всех экзаменов меня определили в минометную роту.

Запасные части готовили преимущественно рядовой состав *«для подразделений стрелковых, пулеметных, минометных и 45-мм артиллерии»*. Новобранцев учили основам военного дела, прежде всего умению стрелять и обращаться с оружием, давали навыки противоздушной и химической обороны и, конечно же, вели занятия по политической подготовке. Базовый срок обучения составлял 1,5 месяца. Дольше всех готовили минометчиков и артиллеристов — 3—4 месяца. Обученное пополнение, в основном, ждал фронт, однако ребят со средним и высшим образованием направляли для дальнейшей учебы в военные училища.

— Дед, чему вас учили?

— Мы были команда скороспелых, толком недоученных вояк. Оружия на всех не хватало, а имевшееся было разных систем, часто устаревших, патроны не соответствовали по калибру. Зато каждый день политинформация. Разговоры только о войне. Только птицы летали, как и раньше. Может, и они чирикали о войне?

В первые месяцы войны, когда оснащения не хватало даже действующим соединениям, об обеспечении запасных частей говорить не приходилось. Их целиком вверили заботам местных властей. Даже командиры набирались из местных добровольцев. Правда, на эти должности старались назначать людей, имевших хоть какой-то опыт военной службы, прежде всего участников гражданской и финской войн.

Очевидец событий, калужанин Иван Калинин вспоминал: *«Тогда нас, мальчишек 1923—24-го года рождения, отправили под Тулу, где муштровали в течение почти трех месяцев. Это была жуткая картина, как нас учили... Эти «учителя» понятия не имели, что такое война. Мы знали, что у немцев танки, пулеметы, автоматы... А у нас была винтовка, которую называли «дудорга». Она и стреляла-то не всегда — заедала»*.

Про «дудоргу» вспоминал и дед: «*Первой наукой, которую схватывал новобранец, был фронтовой язык. По нему отличали своих от чужих, им же путали вражеских радистов. Винтовку звали «дудорга», патроны — «семечками», снаряды — «огурцами», самолеты — «бомбовозами», танки — «утюгами». Реактивные снаряды для знаменитых «Катюш» из-за маркировки «РС» называли тещиным именем «Раиса Семеновна»*.

— Человек ко всему привыкает. Люди и на войне старались обустроить жизнь. Вот что у солдата всегда при себе?

— Не знаю... Автомат?

— Ложка. Без автомата прожить еще можно, а вот без ложки... Полевая кухня ждать не будет, не успел поесть сейчас — еще неизвестно, когда в следующий раз придется. Поэтому держали ложку всегда при себе, чаще всего за голенищем сапога или за поясом. Не зря говорят: «Дорога ложка к обеду». А на сытый желудок все веселей. Самые сообразительные ложки из дома брали. Некоторые на отправном пункте невзначай прихватывали. Выкручивались, как могли.

— Дед, а ты как обзавелся своей ложкой?

— Позаимствовал у немецкого самолета.

— Шутишь?

— Бои до нас тогда еще не докатились, а вот артналеты уже начались. Особенно запомнилась первая бомбежка и первые жертвы. Все как-то повзрослели и поумнели, еще острее поняв всю значимость происходящего.

Вспоминает Алексей Макаров, ветеран тульского следствия, живший до войны в деревне Докторово Веневского района: *«Немецкие самолеты регулярно летали бомбить Новомосковск (тогда Сталиногорск). Неразорвавшиеся снаряды попадались и на полях. Один из таких, похожих на пол-литровую банку с крылышками, нашли женщины. Непонятную красивую штучку рассматривали всей бригадой, пока она не взорвалась...»*

— Дед, а откуда все-таки ложка?

— Артиллеристы на наших глазах несколько раз сбивали немецкие самолеты. Мы уже знали: если дым белый, значит, горит масло, а если дым черный, то горит бензин, и жди взрыва бензобака. Из обшивки фюзеляжа такой сбитой машины я по примеру других и отлил себе ложку. Глиняную форму лепили прямо в земле. Обшивка самолетов легко плавилась, говорили, что она из специального сплава на основе алюминия.

— А почему твоя ложка такой своеобразной формы? Скорее, похожа на небольшой округлый черпачок?

— Форма проверенная, бывалые солдаты подсказали. Во-первых, если на морозе каша к котелку примерзнет, то ее выскребать проще. Во-вторых, такой ложкой из общего котелка больше зачерпнуть можно! Между прочим, на фронтовом языке ложка — «кашемет». По аналогии с «Наставлениями» по стрелковому оружию у нас ходило довольно длинное шутливое «Наставление» по ложке. Помню, начиналось оно с того, что ложка — кашемет образца 1941 года — состоит из держала, едала и соединительного рычага. При этом держало может применяться для нарезки хлеба и сала, а также для намазывания масла, если они есть.

Ложки часто помечали инициалами. Некоторые, на радость современным поисковикам, умудрялись нацарапать даже фамилию и домашний адрес. Этому способствовало и популярное военное суеверие: если заполнишь «смертный» медальон, погибнешь в ближайшем бою. Потому фронтовики чаще и охотнее подписывали ложки, котелки, кружки, пилотки... Все, что угодно, но не специально предназначенные для этого личные солдатские медальоны. По таким ложкам судьбы не одного солдата удалось прояснить. Кстати, своей фронтовой ложкой дед пользовался до конца жизни, не признавая никакие другие.

Уже в сентябре 1941 года, в связи с приближением фронта к Москве, бойцы запасных «кашеметных» частей, в большинстве своем не успевшие закончить подготовку, вольются в действующую армию и партизанские отряды и сыграют свою роль

в обороне столицы. Они же 24 ноября на двадцатиградусном морозе будут биться за Венев, пока не закончатся боеприпасы. Оставшихся в живых немцы расстреляют в упор. Последнего защитника города политрука Поликарпова решат взять живым. Подпустив фашистов поближе, Иван Сергеевич выхватит из-под шинели связку гранат и дернет кольцо...

Но к тому времени дед находился в госпитале: «*5 сентября 1941 года под г. Веневом я был ранен в левую руку и голову во время налета фашистских самолетов».*

ШТОРЫ ДЛЯ ВРАГА

Вслед за уходом первых добровольцев в городе появляются первые похоронки и первые раненые. Зачисленная на курсы сандружинниц одноклассница деда Анна Митяева (Крапивина) вспоминала: *«Здание дворца, где размещался санаторий «Красный шахтер», переоборудовали под госпиталь. Нашей задачей было подготовить помещение для раненых, встретить их на станции, доставить в госпиталь. Раненых было очень много. У нас были пропуска (ведь хождение по улицам разрешалось до 9 часов вечера)».*

Госпиталь развернулся и в здании образцовой школы № 1. Моя бабушка Екатерина Саморукова (тогда Кудрявцева), с 1939 года учительница школы №1, вспоминала, как они вместе с учениками помогали медперсоналу: *«Прямо в классах, ставших больничными палатами, ребята устраивали для фронтовиков импровизированные концерты, писали под диктовку раненых письма. Все вместе мы штыковыми лопатами рыли во дворах домов так называемые «щели» — узкие окопы, куда вскоре пришлось прятаться от налетов. Теми же лопатами копали противотанковые рвы на подступах к Богородицку и не только».*

Комендантский час, запрещавший жителям находиться на улице в темное время суток,— одна из примет перешедшего на военное положение Богородицка. Наша армия отступает, все ближе и ближе отходя к Москве. У людей на улицах начинают проверять документы.

— Дед, в фильмах про войну окна в домах всегда заклеены крест-накрест полосками белой бумаги. Зачем?

— Чтобы уберечь их от взрывов.

— Но если бомба попадет в дом, то какие окна, от дома мало что останется...

— От этого да, но рядом стоят другие дома. Так вот чтобы взрывная волна не выбила стекла и там, клеили полоски бумаги. А на ночь окна занавешивали плотными шторами. Для светомаскировки. Любое светящееся окно могло стать ориентиром для вражеских бомбардировщиков. Поэтому неплотно закрытые шторы в военное время расценивались как диверсия и помощь врагу.

— Сурово.

— На войне как на войне. Из молодежи создавали группы самозащиты, наблюдавшие «за воздухом».

— Это как?

— Смотрели за налетами вражеских бомбардировщиков.

— Вот именно, что смотрели. Что простой парень или девушка могут противопоставить самолету?

— Они могут вовремя потушить сброшенную на их дом зажигательную бомбу и сохранить крышу над головой. Для этого заранее на крышах или во дворах домов припасали ведра с песком и водой. Если сброшенную сверху зажигательную бомбу быстро подхватить и сунуть в мокрый песок, то она остынет, и взрыва не будет.

— А если не успеешь?

— ...

БОМБЫ ОТ «BMW»

— Дед, я никак не пойму. Фашисты дошли до Богородицка только в середине ноября 1941, а бомбить город начали гораздо раньше. Неужели самолеты так далеко залетали на чужую территорию?

— Еще как, до нескольких сотен километров. К примеру, 600 километров до Киева, оккупированного только через три месяца, люфтваффе преодолели уже в первые часы войны. Богородицк почти ежедневно обстреливался вражеской авиацией и артиллерией с октября 1941 года.

Иван Козарь: *«Все чаще появляется фашистская авиация, которая бомбит ст.Товарково, склады боеприпасов, сброшены бомбы на стадион п.Товарковского, где обучался состав призывников».*

Секретарь Товарковского РК ВКП(б) Василий Родионович Ребриков: *«Летел стервятник и так низко, что простым глазом были видны фашистские знаки. Шел так тяжело и медленно».*

Чтобы обмануть бдительность советских артиллеристов, фашисты рисовали на крыльях своих бомбардировщиков красные звезды. Очевидцы вспоминают, что такие самолеты бомбили город перед самой оккупацией.

Жительница Богородицка Варвара Введенская: *«Вдруг раздался страшный грохот, из окон посыпались стекла, со стен и потолка полетела штукатурка, в передней комнате погас свет. Чтобы попасть в подвал и спрятаться от бомбежки, надо было пройти двором. Но нам было страшно выглянуть из дома, так как... город одновременно был подвергнут артиллерийскому обстрелу... поэтому мы все сгрудились в темном коридоре, тесно прижавшись, друг к другу... Сверху на нас что-то сыпалось с потолка, малыши плакали... А потом пришли мама с тетей, обрадовались, что все мы живы. Они рассказали, что на территории заготзерна тоже было очень страшно. Фашисты с самолетов обстреляли мирных жителей, стоящих в очереди за зерном... позже мы узнали, что погибло 47 человек. Видела, как везли на нескольких подводах эти окоченевшие, скрюченные трупы ни в чем не повинных мирных людей».*

Моя бабушка Екатерина Саморукова (Кудрявцева): *«От бомбежки мы прятались в подвале. Спали, не раздеваясь и не разуваясь, потому что в любой момент мог начаться вой сирены, обозначавший воздушную тревогу. Днем после ночных налетов люди были измотанными, с красными от бессонницы глазами».*

Иногда сброшенные бомбы взрывались не сразу, убивая и калеча любопытствующих. Многие жители вспоминают неразорвавшуюся бомбу, некоторое время лежавшую чуть выше перекрестка улиц Коммунаров и Урицкого напротив современной музыкальной школы. Чуть ниже этого перекрестка жила моя бабушка.

Интересно, знают ли сегодняшние богородчане, разъезжающие по городу на “BMW”, что моторы для их машин, как и двигатели самолетов, бомбивших город в 1941 году, сделаны одним производителем? Знаменитый концерн работал на военную авиацию еще со времен Первой мировой и поначалу даже не помышлял об автомобилях. Конец Второй мировой войны чуть было не стал концом и для “BMW”.

«УДИРАТЬ, И УДИРАТЬ ПАНИЧЕСКИ»

Представить себе то, что происходило... Нет, «происходило» — слишком спокойное и обстоятельное слово. Не было никакой упорядоченности в том, что творилось... Да, представить себе то, что ТВОРИЛОСЬ в городе осенью 1941 года перед началом оккупации, можно благодаря дневнику секретаря Товарковского районного комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (РК ВКП(б) Василия

Родионовича Ребрикова: *«11 октября. Жена уехала с госпиталем N 1069. Перешел на казарменное положение. Стервятники беспокоят каждый день.*

20 октября. Люди бегут... Смотреть тяжело на создавшуюся картину. Партийный актив надломился, приходят в РК с плачем, с истерикой, требуют эвакуации. Дали команду, чтоб коммунисты эвакуировали свои семьи, кто куда сумеет. Многие командиры пьянствуют, возят каких-то крашеных бабенок. Жрут и спят, и ничего не делают. Уезжали бы скорей к чертовой бабушке.

24 октября... Явственно слышна канонада. Фронт рядом. Распоясались жулики, мародеры. Обнаглели до того, что днем кинулись грабить состав с хлебом и другими продуктами. Дал команду пристреливать сволочей на месте. Пристрелили одного на станции Жданка ... одного в Малевке, одного в Бегичеве и одного на шахте N 63. Сразу утихомирили всю сволочь.

9-го ноября была большая очередная паника. Звонят и говорят, что Узловую заняли немцы и все узловское начальство ушло из района. Делаю попытки связаться с Узловой — безрезультатно. Посылаем в Узловую разведку... Разведка ... доложила: немцев у Узловой нет, но нервозность жуткая. Панику подняли железнодорожники, они начали удирать, и удирать панически.

Панику провоцировала прежде всего неопределенность. Никто не знал, что прямо сейчас происходит на фронте и где этот самый фронт в данный момент находится. Сегодня, когда владеющий информацией владеет миром, представить себе информационный голод военных лет крайне сложно. Тем не менее, представьте.

Никакого телевидения, тем более Интернета, нет и в помине. По радио вещает одна программа, для прослушивания которой нужно выйти на улицу, ведь все радиоприемники у населения отобраны, дабы исключить общение с вражескими радистами. Газеты появлялись позже радиосообщений, но в них была все та же скупая сводка с фронта. И радио, и тем более газеты зачастую передавали новости с опозданием и не в полном объеме. Телефоны — почти исключительная привилегия госучреждений. Иногда что-то узнавали из писем с передовой, но почта идет долго, к тому же подвергается цензуре, вымарывающей черной мастикой даже намеки на состояние дел на фронте. На письмах времен войны рядом с почтовым штемпелем появилась отметка «проверено военной цензурой».

— Дед, это же тоталитаризм!

— Это война. Когда кругом боевые действия, письма вполне могут попасть к врагу. Тогда неосторожные фразы, написанные без злого умысла, могут стать причиной поражения армии и в конце концов привести к гибели огромного числа людей. К тому же, родным бойца важнее всего было знать, что их сын или отец жив.

В такой ситуации, когда военные события передавались преимущественно из уст в уста, поводом для слухов и паники становилась любая мелочь. Снова В. Р. Ребриков: *«Помню был такой случай. Ночь ... Звонок телефона. Беру трубку. Сообщают: в город вошли немецкие танки, двигаются якобы по направлению к Туле. Ставлю на ноги народ. Оказывается, что прошли два трактора «ЧТЗ» и встали у райисполкома».*

К сожалению, анекдотичность ситуации ничего не меняла. В. Р. Ребриков: *«Сколько слез, истерик, детского плача. Картина очень удручающая ... Когда плачут женщины от страха, как-то принято считать за обычай, а вот когда нюни распускают мужчины, становится неприятно. Трусость прет через край. Спим ... не раздеваясь... С Тулой связи нет. Все приходится решать самому».*

Положение Тулы, увы, выглядело не многим лучше. Именно к городу оружейников — последнему рубежу перед Москвой — неумолимо рвалась 2-я танковая армия под командованием непобедимого Гейнца Гудериана.

Накануне Орел сдали без боя. Просто ехавшие в трамвае жители внезапно увидели на улицах фашистские танки. Перед тем, как оставить город, сотрудники НКВД расстреляли более 150 заключенных, среди которых муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, жена «врага народа» Льва Каменева Ольга (она же сестра Льва Троцкого), лидер эсеров Мария Спиридонова и многие другие. По неофициальной версии заключенных не расстреляли, а согнали в подвал местной тюрьмы и открыли водопроводный кран.

Оружейную столицу готовились оборонять малочисленный 732 зенитно-артиллерийский полк и 156 полк НКВД, в мирное время охранявший тульские заводы и режимные объекты. На всем пути от Орла до Тулы сколько-нибудь заметных сил, способных противостоять полновесной танковой армии Гудериана, попросту не было.

«МЯСО, ЯЙКИ, МЛЕ́КО, САЛО!»

В начале ноября приход фашистов в Богородицк стал очевиден. В связи с этим в шахтах демонтировали водоотлив и вентиляцию, ценное оборудование затащили в глухие штреки и завалили. Механизм, позволявший спускаться под землю и подниматься наверх, разобрали и сбросили вниз. Сильнее досталось нефтебазе. Пришлось сжечь 318 тонн нефтепродуктов. Сожгли и элеваторы, на которых оставалось более 8000 тонн зерна. Правда, перед самым приходом немцев часть зерна успели раздать жителям.

Жители тоже готовились к приходу фашистов. Прежде всего, из города постарались эвакуироваться работники госучреждений, члены партии, шахтеры, которых при новой власти почти заведомо ждал смертный приговор. Оставшиеся, как могли, запасались продуктами, спешно закапывали ценные вещи, закапывали или уничтожали документы и фотографии.

— Дед, про вещи я понимаю — чтобы не отобрали, про документы тоже — чтобы себя обезопасить, а зачем уничтожать фотографии?

— Фотографии — те же документы. Если немцы видели на фотографии человека в форме красноармейца, его однозначно ждал расстрел, да и семье могло достаться.

— А в нашей семье вещи закапывали?

— Конечно. Спрятали в огороде документы, некоторые вещи. Зарыли старую охотничью берданку: боялись, если немцы увидят в доме ружье, примут за партизан и расстреляют. Твоя бабушка — моя будущая жена — закопала свою швейную машинку «Зингер».

— Ту самую, на которой она мне костюмчики на утренники в детский сад шила?

— Ту самую.

Вспоминает богородчанка Людмила Северова: *«Страх прочно поселился в сердцах людей, страх перед нашествием гитлеровцев, о зверствах которых уже было известно».* 15 ноября 1941 года началось *«нашествие в буквальном смысле слова. Такого количества людей, техники, машин всевозможных — от легковушек на двух человек до огромнейших грузовиков — мне никогда больше видеть не приходилось. Целая их лавина двигалась по улице Коммунаров в сторону Товарково: регулировщики, выставленные на перекрестках, показывали только это направление.*

Жители города как вымерли, все попрятались по подвалам и домам. До нас доходили слухи, что вслед за войсками всегда двигаются каратели. И, надо сказать, уже примерно через неделю после захвата города на площади в районе нынешнего ресторана «Садко» была поставлена виселица, повешены два партизана. Слава Богу, что немцы в городе пробыли всего месяц, и поэтому каратели не сумели развернуться в полную силу».

Для начала жителей собирали и сообщали, что теперь они подданные великой Германии. О том, как проходили эти «сборы», вспоминает Иван Козарь: *«Часов в десять утра, когда наша семья завтракала, в землянку вторгся «новый порядок» в шинелях мышиного цвета. Немцы начали бесцеремонно осматривать землянку. Выбросили все из сундука, но поживиться было нечем. Потом увели отца и брата... Все население поселка собрали в районе отвалов шахты № 54. Для устрашения установили два пулемета: один перед строем людей, второй — на терриконе породы. Вокруг — оцепление солдат. В страхе за мужчин пришли сюда женщины и дети. Стояли мужики в великом раздумье под дулами автоматов: то ли смерть придет через минуту, то ли пожить удастся при новом порядке».*

С 6 вечера до 8 утра устанавливался комендантский час. Коммунисты, комсомольцы, руководители предприятий, учреждений, организаций должны немедленно зарегистрироваться в комендатуре и ежедневно являться для отметки. Объявили и о том, что за каждого убитого немецкого солдата будет расстреливаться 10 жителей города.

Расстрел можно было получить и просто так. Вспоминает житель колхоза им. Степанова Иван Корякин: *«Молодой парень В. И. Бабкин, подстриженный наголо, показался им подозрительным и тут же был расстрелян прямо около дома, на огороде, в присутствии родителей».*

Из воспоминаний жителя деревни Павловка Григория Боровикова: *«Начался самый настоящий грабеж. Кур резали во всех домах. Придут: «Русс! Куры». Пришли к одному колхознику за гусем. Он сказал, что гусей у него нет. Но тут, как нарочно, гусь загоготал. Немец: «Русс партизан! Капут!», а сам на револьвер показывает. Испугался колхозник и двух последних гусей отдал... К школе подошли два немца... Из классов начали выносить мебель: столы, парты, стулья, рубить их и топить ими печь... дни потянулись однообразно. Одна часть уезжала, другая — приезжала, и требования выставлялись одни и те же: «Мясо, яйки, млеко, сало!»*

— Дед, а как вели себя местные жители?

— Пытались выжить. Офицеры и солдаты занимали дома и квартиры, хозяев сгоняли в одну комнату, а то и вовсе выгоняли из дома. Местным жителям выпадала «честь» готовить и стирать для солдат Вермахта. Гости чувствовали себя полными хозяевами и не стеснялись присваивать содержимое сундуков и комодов.

— Неужели они не брезговали чужими вещами?

— Какое там, тащили все, что только видели, не брезгуя самым простым и неприглядным.

Еще бы, сам Гитлер освободил своих солдат от всякой ответственности за их действия при выполнении плана «Барбаросса»: *«Никакие действия служащих вермахта ... не подлежат пресечению и не могут рассматриваться как проступки или военные преступления...»* Одни солдаты уезжали, другие приезжали, и все начиналось заново.

Вспоминает Варвара Введенская: *«Офицеры стояли в нашем доме дней десять. А затем они съехали, и у нас поселились солдаты. Их было много. Нас они согнали в одну комнату, забрали все подушки и одеяла. Вели себя очень грубо. С первых же дней проверили все шкафы и полки, забрали продукты и все то из вещей, что им попадалось на глаза. Страдали очень от вшей и вечерами нередко приходили в нашу комнату и трясли над керосиновой лампой свое нижнее белье».*

Грабили и просто на улице, раздевая и разувая прохожих. Прежде всего, отбирали теплые вещи, поэтому народ стал хитрить. Валенки и шапки обматывали рваными старыми тряпками, верхнюю одежду специально пачкали в грязи. Помогало, но не всегда.

Варвара Введенская: *«Утром 15 ноября мы вышли погулять. Видим, на плотину въезжают... фашисты. Мотоциклисты остановились, подошли к пожилому мужчине, один из них протянул руку. Тот, очевидно, решил, что с ним здороваются, замешкался, растерялся, но тоже протянул руку. Фашист сдернул с него рукавицу, вторую мужчина отдал сам. Другой фашист сдернул с его головы шапку».*

За месяц оккупации грабежу подверглись 3974 семьи района.

ДИВЕРСАНТЫ И ПРЕДАТЕЛИ

Проводимая советской властью борьба по выявлению шпионов и диверсантов была не так и надумана, как часто утверждают. Не зря волновался Василий Ребриков: *«Через город идут, едут на лошадях, автомашинах из занятых немцами районов. Уйма людей ... многие сеют панику, пускают провокационные слухи, занимаются мародерством. В городе форменная кутерьма. В таком движении люда в город могут прийти шпионы, диверсанты и любая сволочь».*

В Богородицке диверсионные проявления начались еще осенью. На собраниях партактива района отмечалось, что «в очередях около магазинов ... ведется антисоветская агитация». Иван Козарь, живший у станции Товарково, вспоминал: *«По ночам мы дежурили по соблюдению светомаскировки... Эти посты свое дело сделали... были случаи пресечения действий сигнальщиков в помощь немецкой авиации».*

Рассказывает Лев Шершов: *«Диверсанты в городе были. Перед самым приходом фашистов убили милиционера, дежурившего ночью на почте, чтобы воспользоваться телеграфом. Мы тогда жили на окраине города за парком. Примерно за месяц до начала войны у старушки в доме напротив сняла комнату некая девица, представлявшаяся машинисткой. Пишущая машинка у нее и правда была, она регулярно ставила ее у открытого окна и что-то печатала. Только делала она это как-то неестественно быстро. Думаю, она просто молотила по клавишам. Жила она замкнуто, ни с кем не общалась. Перед самой войной к ней приехали двое на мотоцикле. По тем временам мотоцикл — роскошь, их в городе всего несколько штук было. Мотоцикл попросили оставить на ночь в нашем дворе, пояснив, что он сломался, а двор, где жила девица, слишком мал. Обещали забрать через день. Прошло два дня. Мотоцикл стоял на месте. Время было тревожное, и отец сдал мотоцикл начальнику ГАИ Семину Николаю Акимовичу. Никто за этим мотоциклом так и не вернулся. Когда началась война, к девице стал ходить один раненый, с ног до головы обвязанный бинтами. В первый же день оккупации к ней приехали два немецких офицера и забрали с собой. Больше ее в городе не видели».*

Не секрет, что некоторые советские граждане встречали оккупантов хлебом-солью. Были такие и в Богородицке. Именно из таких предателей фашисты вербовали полицаев, старост и бургомистров. Ольга Ломакина (в замужестве Савельева): *«В дом вместе с немецким офицером вошел наш сосед. Он ткнул в нас с сестрой Настей (мы близнецы) и пояснил, что мы комсомолки. Немец что-то записал, и они ушли».* Полицаям был дан приказ о подаче списков коммунистов, комсомольцев, передовиков производства, евреев и шахтеров.

Интересно, что новоиспеченный бургомистр Товарковского района Проселков вместе с полицаями Гореликовым, Кутеповым и Ефремовым такой список заготовили заранее. 150 фамилий были оглашены в первый же день оккупации на общем собрании жителей поселка имени Кагановича (ныне поселок Товарковский). Прямо из толпы были схвачены зам. секретаря комитета ВЛКСМ Иван Костенко, член комитета Николай Романов, зам. главного бухгалтера шахты Романов, зам. главного инженера Бузов С. С. и депутат поссовета Буклина. К их судьбе мы еще вернемся.

— Дед, чем занимались полицаи?

— Контролировали выполнение распоряжений новых властей, к примеру, приказа о сдаче населением огнестрельного и холодного оружия.

— И если находили запрещенный предмет?

— Расстрел. Кстати, в самом Богородицке полицаев не было.

— Почему?

— Точно не знаю. То ли не успели назначить, то ли желающих не нашлось, то ли не по статусу было. Ведь формально город Богородицк входил в Товарковский район, центром которого был поселок имени Кагановича (ныне поселок Товарковский). А вот староста был — бухгалтер Бегичевской шахты Бабкин.

Рассказывает Людмила Северова: *«Никому ничего плохого этот честный человек не сделал, напротив, когда жителей города хотели согнать на площадь и расстрелять, он предупредил нас. От одного к другому переходило его предупреждение, просьба покинуть город, и то, что массовых расстрелов не было, это благодаря старосте. Говорили, что немцы ему этого не простили».*

Не прощали и свои. Вспоминает житель колхоза им. Степанова (ныне «Россия») Иван Корякин: *«Во время оккупации немцы... по предложению колхозников избрали старосту, им оказался председатель колхоза С. И. Комиссаров. На самом деле он был не предатель и не хотел быть старостой. Он всегда приходил к нам и рассказывал моей маме, что немцы собираются делать. Из своих С. И. Комиссаров никого не выдавал... Староста С. И. Комиссаров был взят нашими военными, и с тех пор его след простыл, хотя он плохого нам ничего не сделал».*

Впрочем, разница в поведении отмечалась не только у жителей оккупированных земель. Не отличались единообразием и оккупанты.

МАКИЯЖ ДЛЯ ОККУПАНТА

Рассказывает жительница деревни Упертовка Елизавета Трубленкова: *«Немцы не очень-то считались с местными жителями... Очень уж досаждал один из них. Что ни день, с вечера ему душно в натопленной избе. Дверь настежь начинает открывать. Как могла, противилась этому... боялась, что ребятишки простудятся. А ночью тот же немец начинал вдруг мерзнуть, брался стулья рубить, печь топить. Терпела, терпела, да и решила пожаловаться их главному начальнику. Бабы хорошо о нем отзывались, вежливый был, культурный... Выслушал он меня, молча собрался и пошел со мной. Что уж он тому солдату скомандовал, не поняла. Видела только, что обидчик от страха сам не свой, тут же собрался и ушел... Позже, когда во время боев этого главного начальника ранили в живот и привезли на санях, бабы его жалели — все-таки заступался он за них».*

Варвара Введенская: *«Среди немцев были два переводчика. Один из них оказался единственным, кто удерживал солдат от насилия и бесчинства. По его совету прятали от солдат двоюродную сестру. До сих пор с ужасом вспоминаю, как однажды, когда мамы не было дома, фашист завел меня в их комнату и сделал попытку к насилию. Я еще ничего не понимала и думала, что дядя решил со мной поиграть, начала его щекотать. Только благодаря этому мне удалось увернуться. Тогда фашист схватил оружие, направил на меня и заставил стать к стенке. Спас меня вошедший переводчик. Он резко ударил по стволу, раздался выстрел, и пуля попала в пол. Только много позже, когда подросла, я поняла, что была на краю гибели».*

— Дед, получается, что девушкам и молодым женщинам вообще лучше было лишний раз не выходить из дома?

— Именно. Моя будущая жена вообще в подвале сидела. Многие женщины нарочно плохо одевались, пачкали лица маслом, печной сажей.

— Представляю, как были разочарованы оккупанты.

— На каждое правило есть исключение. Две богородчанки добровольно уехали вместе с отступавшими фашистами. Одна из них, правда, через некоторое время вернулась.

Моя бабушка Екатерина Саморукова, а ей как раз во время оккупации исполнился 21 год, большую часть времени пряталась в подвале. В ее случае причина заключалась не только в девичестве. Бабушка больше всего боялась, что «доброжелатели» сообщат о том, что она учительница немецкого языка и ее угонят в Германию. В их доме тоже «стоял» немец. Курт (кажется, так его звали) был не слишком молод, вел себя достойно и часто делился продуктами. Точно не известно, донесли ли Курту на бабушку, но он нередко говорил при ней так, будто был уверен, что его немецкий понимают. Курт тяготился службой и часто вспоминал оставленную в Германии семью. От него же бабушка впервые услышала и о немецком отступлении. При этом Курт предупредил, чтобы никто не вздумал выполнить приказ германских властей и явиться на площадь. Об этом мы поговорим позже.

В случае с бабушкиным немецким сложно судить, кто именно повел себя порядочно: Курт или местные жители. На войне порой в некоторых фашистах человеческого оказывалось больше, чем в мирных жителях. Вот история жительницы поселка Аварийный Ольги Альмашовой: *«Когда жители узнали о том, что немцы приближаются ... из поселка ушли все те, кому грозила неминуемая гибель ... Среди них был мой муж и еще трое мужчин: Коротких, Елисеев и Лесняков. Все четверо — горняки. Они пошли в сторону Упертовки, но не успели выехать и остались в одном из лесов. Фашисты обшарили все окрестности, но нашим мужчинам повезло, и, переждав несколько дней, они решили вернуться домой. Но лишь только они вошли в поселок, как их сразу же выдала одна из местных жительниц. Причем ее поведение было совершенно непонятным, в армии находились два ее сына и муж. Мужа и его товарищей долго держали в полицейском участке, а потом решили расстрелять. Но один из полицейских вывел их из участка через крышу туалета».*

Прятались от незваных гостей не только люди. Ольга Ломакина (Савельева): *«Спустя несколько дней после того, как немец порезал наших кур, захожу я в сарай и слышу, как кто-то квохчет. Поднялась я повыше и вижу: прячется наша пеструшка на балке под самой крышей. Там у нее уже и гнездо из сена, и даже яички лежат. И ведь будто чувствовала что-то: до конца оккупации из своего убежища не спускалась. Повезло и с нашей коровой. За карие глаза прозвали ее Азой. Хорошее у нее молоко было, мы его перед войной в санаторий «Красный шахтер» сдавали. Немцы ее забрали, а через несколько дней она от них как-то сбежала и домой вернулась. Мы спрятали ее в погребе».*

ОККУПАЦИЯ ОТ ЛУКАВОГО

— Дед, ты был в оккупации?

— Нет.

— Тогда откуда ты так хорошо знаешь, что происходило в тот момент в городе?

— Я приехал в Богородицк сразу после ухода немцев.

— Дед, я тоже следователь. Ты же рассказываешь детали того, что происходило не после, а во время оккупации, причем говоришь, как человек, видевший все своими глазами.

— Я приехал в Богородицк сразу после снятия оккупации.

Старый следователь лукавил. В оккупации он был. Но лукавил дед мастерски. Ни

в одном из официальных документов, включая личное дело полковника юстиции Саморукова В. В., нет упоминаний о его пребывании в Богородицке в период оккупации города. По документам после ранения в руку и голову под г. Веневом с 16 сентября по 17 ноября 1941 года он лечился в подмосковном госпитале, а с 17 ноября 1941 года по 18 марта 1942 года еще несовершеннолетний Владимир Саморуков находился... *«в отпуске по ранению, полученному под Веневом»*. И ни слова о том, *где именно* парень провел этот отпуск.

Единственный документ, подтверждающий пребывание деда в оккупированном городе, нашелся в архиве города Таганрога, куда дед отправился на учебу в августе 1945 года. Слушатель Юридической школы Саморуков писал в своей автобиографии:

«В середине октября наш госпиталь, находившийся в г. Подольске, в связи с приближением фашистов к г. Москве был эвакуирован. Меня в числе других «ходячих» раненых распустили по домам. В начале ноября 1941 года прибыл домой в г. Богородицк. На пути следования домой заболел. Спустя неделю после моего прибытия местность была оккупирована. Пытался уйти вместе с частями Красной Армии, но из-за тяжелого состояния здоровья это мне не удалось. 20 дней пробыл на оккупированной территории в г. Богородицке. За это время нигде не работал и вообще не выходил на улицу. Находился на оккупированной территории по 17 декабря 1941 года».

Лишь однажды дед разоткровенничался с моим отцом, прояснив обстоятельства своего отпуска осенью 1941 года. Обратить внимание на то, что период оккупации (15 ноября — 15 декабря 1941 года) с лихвой поглощается временем лечения в госпитале и отпуска по ранению (16 сентября 1941 года — 18 марта 1942 года), деду подсказал преподаватель Юридической школы Таганрога. Дед частенько вспоминал добрым словом *«умного еврея»*. Угадать, кто именно из преподавателей помог деду, невозможно. Русскими фамилиями могли похвастать немногие педагоги Юридической школы.

В советское время нахождение на оккупированной территории, мягко говоря, не приветствовалось. Это было пятно на биографии. Человека автоматически начинали подозреваться во всех смертных грехах и на всякий случай могли отправить в лагерь или серьезно ограничить в выборе профессии и места жительства. Правда, и здесь бывали варианты. Если в оккупации вы не запятнали себя связями с фашистами, а после войны собирались стать швеей-надомницей или забойщиком в шахте, то проблем обычно не было. Если же хотелось занять более престижную должность, причем не в затерянном на просторах СССР славном городке, а в столице, то оккупация могла стать непреодолимым препятствием.

Вернемся в первый день оккупации на общее собрание жителей поселка имени Кагановича. Мы покинули его как раз в тот момент, когда фашисты схватили из толпы работников советских учреждений Ивана Костенко, Николая Романова и других. Рассказывает очевидец Иван Козарь: *«...в легкой одежде, без продуктов питания этапом были конвоированы в г. Плавск, в лагерь (в церкви города), где они пробыли три недели. Единственным продуктом питания были отходы с кухни, все то, что выливалось и выбрасывалось на помойку... Церковь никто не отапливал, согревались телами друг друга и небольшими кострами, ломали для этого деревянный пол. Под полом оказался ход, ведущий в подвал на улицу. Так большинство, в том числе активисты нашего поселка, бежали из адского плена... и... к середине декабря вернулись тайно домой. Дорого им обошлось пребывание во временном заточении в лагере фашистов. Их приравнивали чуть ли не к пособникам оккупантов».*

Куда большая опасность поджидала на оккупированной территории бойцов Красной Армии. Вспоминает жительница деревни Упертовка Елизавета Трубленко-

ва: *«Как-то откуда-то забрели в деревню два парня в гражданском. Жители предупредили, что здесь немцы, а ребята, видимо, решили, что они обречены, и ничего не предприняли для своего спасения. Фашисты тут же схватили их, убедились, что на нижнем белье, как у всех солдат, стоит клеймо, и расстреляли».*

Видимо, по этой причине через некоторое время (предположительно 5 декабря) дед с неким своим другом ушел в глухой лес, где они прятались в избе старика-лесника. Рассказывая об этом моему отцу, дед вспоминал, что питались они грибами, ягодами и прочими дарами леса из запасов лесника. Отыскать на занятой врагом территории место без немцев было непросто, но возможно. Известно, что некоторые деревни, затерянные в лесах и снегах Ефремовского и Плавского районов Тульской области, немцы просто не нашли.

Возможно, именно этим уходом объясняется то, что в документах деда значится его присутствие на оккупированной территории до 17 декабря, хотя оккупация Богородицка была снята 15 декабря. Есть, правда, и другая версия. Просто советские учреждения начали работать не в день снятия оккупации, а чуть позже. Этим днем деду в документах и отметили выход из оккупации.

Обратите внимание, как подчеркивает дед то, что в период оккупации он *«нигде не работал и вообще не выходил на улицу».* Для людей, вышедших при немцах на работу, последствия нахождения в оккупации были особенно неблагоприятны. Так оккупанты силой заставили помогать своим хирургам известного городского терапевта Марию Сергеевну Обухову. О том, что она врач, не промолчали соседи. Бедная женщина из-под палки кое-как два дня отработала медсестрой, после чего сбежала. После освобождения эти два дня в немецком госпитале обернулись десятью годами высылки в Казахстан.

Директор богородицкого хлебозавода, член партии с 1916 года, Григорий Дандыкин перед приходом фашистов каждый рабочий день начинал с вопроса властям, печь ли ему хлеб сегодня? Ему приказывали печь, чтобы обеспечить хлебом отходящие части Красной Армии. Дандыкин и обеспечивал. В конце концов, последняя испеченная партия стала первым хлебом оккупантов. После освобождения города Дандыкина арестовали, обвинив в том, что он встречал хлебом врага. Правда, через некоторое время старого большевика отпустили.

Фашисты пытались возобновить работу знаменитых тогда богородицких шахт, однако шахтеры на работу не спешили, а новые власти за месяц оккупации просто не успели довести дело до конца. Многие шахтеры эвакуировались из города или прятались.

Вспоминает Ольга Альмашова: *«Горняки вынуждены были до прихода нашей армии прятаться в шурфе шахты № 63... Ночью я вместе с женами других шахтеров тайком выходила из поселка, чтобы передать продовольствие и курево».*

Несколько раз приходилось слышать историю про то, как во время оккупации люди прятались от немцев в вырытом за двести лет до этого подземном ходе усадьбы Бобринских. Интересно, это только легенда?

Ходили слухи, что вместе с оккупантами в город вернулся и наследник имения граф Алексей Бобринский. Уже после войны живший в Ростове-на-Дону участник Сталинградской битвы Алексей Львович возмущался: *«Мне очень хочется ... приехать и пройтись по улице Коммунаров с армейскими наградами на груди, а у меня их 8 штук. Пускай болтуны посмотрят!»* Интересное совпадение: в разбитом вражеском блиндаже под Сталинградом Бобринский нашел немецкую карту Богородицка 1941 года.

АХТУНГ! ПАРТИЗАНЕН!

— Дед, а партизаны в Богородицке были?

— Видимо, были. Во всяком случае, фашисты очень их боялись. Любая географическая карта, обнаруженная в доме, вызывала подозрение в связи хозяев с партизанами. Вечерами, если раздавался стук в дверь, немцы заставляли открывать хозяйку, а сами с оружием стояли сзади. Приходили все больше такие же «постояльцы», но в случае чего первая пуля досталась бы хозяйке.

— Но ведь Сталин в своих обращениях призывал организовывать партизанскую войну на захваченных территориях.

— Перед оккупацией местные власти решили организовать в деревне Суходол партизанское подполье. Работу эту поручили местным партийным активистам, выбрав патриотов с опытом организационной работы, готовых бить оккупантов. При этом мало кто в районе не знал заместителя председателя районного исполнительного комитета И. П. Тадонова или заведующего земельным отделом района И. В. Курочкина, несколько лет отработавшего народным судьей. По роду деятельности постоянно общались с народом и инструктор районного комитета партии В. И. Навольнев и председатель колхоза И. И. Недосекин.

— Их же большинство жителей района знали в лицо...

— Конечно! В первый же день оккупации их, скакавших по Епифанской дороге в сторону Суходола, остановили фашисты. Все четверо оказались вооружены наганами, а кто-то из местных узнал в них руководство района. Через день, 17 ноября, всех задержанных повесили. Тела казненных запретили снимать 40 дней. Они висели до прихода Красной Армии.

К этим четырем фамилиям неслучившихся организаторов партизанского движения Богородицка нужно добавить и фамилию комсомольского вожака Кормилицына. Именно ему отводилась ведущая роль в создании подпольной организации. По крайней мере, так он говорил. И говорил он довольно много, из-за чего разве ленивый не знал, что при немцах тайный штаб партизан будет квартировать в районе деревни Суходол.

Что случилось на пути к Суходолу в первый день оккупации, мы уже знаем. В середине декабря отступавшие фашисты стали забирать с собой мужчин именно из Суходола и окрестных деревень. Всего собрали 51 человека. Весть о том, что *«мужиков угоняют»,* мгновенно облетела район. Женщины прятали своих мужчин в подвалах, на чердаках, даже закапывали в снег. Однако фашистов интересовали только жители Суходола, подозреваемые в связи с партизанами. Судьба угнанных мужчин неизвестна.

Варвара Введенская: *«И несмотря на то, что фашисты расправлялись со всеми, кого подозревали в связи с партизанами, какой-то отряд все-таки действовал. Я не знаю, сколько было партизан и был ли это отряд или отдельные разрозненные группы, оказавшиеся в тылу врага наших солдат, но... на железной дороге кто-то вел подрывную деятельность».*

Иван Козарь: *«Если не ошибаюсь, за минувшие пять десятилетий никогда не упоминались имена 15 — 17 летних ребят, которые решили по-своему вести борьбу с оккупантами. При отходе нашей армии они подобрали два ящика взрывчатки со взрывателями, одну немецкую винтовку с патронами. За месяц оккупации молодые ребята-комсомольцы провели две операции. После прекращения подачи электроэнергии из Каширы была взорвана подстанция шахты № 54 с трансформатором, а на перегоне станций Товарково — Волово железнодорожный путь. Правда, при этой операции Ваня Симарев, Валентин Лигостаев, Володя Бузов и Миша Гимозудинов чуть не попали в лапы немцев».*

Почему же эти факты забылись? Точнее, почему о подвиге подростков не вспоминали? Думается, что здесь та же причина, из-за которой в свое время Александру Фадееву пришлось переписывать свою «Молодую гвардию»: писатель не отразил в романе руководящую роль коммунистической партии в организации борьбы юных партизан Краснодона. В Советском Союзе партизанское движение не могло возникнуть стихийно, оно должно было стать результатом мудрой политики партии.

Советская пропаганда, как и современные пиарщики, любила красивые истории. А в Богородицке с мудрой политикой и организующей ролью, мягко говоря, не сложилось. Если бы юные претенденты на роль партизан геройски погибли, то без живых свидетелей вполне можно было бы отредактировать подвиг богородицких партизан в правильном русле. Но ребята выжили.

По совести говоря, значительного партизанского движения в Богородицке и быть не могло. Десять тысяч жителей довоенного городка знали друг друга в лицо. Их количество значительно сократили мобилизация и эвакуация. Не позволял укрыться и сам рельеф местности без высоких гор, непроходимых лесов и непролазных болот.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ?

И все же партизаны в Богородицке были. Обыкновенные жители без всяких указаний сверху, как умели, защищали свой город. Они мало думали о том, что рискуют жизнью. Они выживали, защищая родных и близких, свой дом и улицу. Это сегодня никто не подойдет к лежащему на улице, а тогда помощь незнакомым в беде считалась нормой.

Рассказывает Варвара Введенская: *«Моя мама была медсестрой. Больница располагалась на улице Пушкинской, там, где сейчас здание «Скорой помощи». Когда в город вошли фашисты, в больнице находились 12 тяжело раненных советских бойцов, не успевших эвакуироваться. Гитлеровцы забили окна и двери досками и под угрозой смерти запретили жителям подходить к зданию. Но моя мама вместе с другой медицинской сестрой Натальей Ивановной Афониной ежедневно в сумерках перед комендантским часом посещали раненых. Нам самим жилось очень трудно, и как маме удавалось выкраивать еще что-то для бойцов — уму непостижимо. Каждый день она заворачивала в детское одеяло кастрюлю с кашей или еще какой-то еды, чистые старые простыни для бинтов, некоторые медикаменты, перевязывала сверток лентой и несла, как будто в нем ребенок. А Наталья Ивановна исполняла роль бабушки ребенка. Пока одна отвлекала внимание фашистов, другая отодвигала доску и передавала «ребенка» раненым бойцам, а они возвращали так же завернутую пустую посуду».*

Наверняка были и другие истории, теперь забытые. Просто люди не относились к ним как к чему-то выдающемуся или героическому. Они просто жили и поступали по совести.

— Дед, на плитах богородицкого кургана Славы, где похоронены твои дяди Сережа и Петр Ломакины, указано, что они партизаны.

— Знаю.

— Почему? Чем они знамениты?

— Перед войной мы с мамой жили в доме ее братьев. Дом стоял за парком, на самой окраине города, поэтому здесь иногда находили временное пристанище бежавшие из города люди.

Вспоминает Людмила Северова: *«Где-то в середине октября, боясь уже приближающихся немцев, мы с мамой ушли из самого города и нашли пристанище за парком, в доме Ломакиных. Опасаясь бомбежки города, прятались в балке около старого хутора. Это днем, а вечером возвращались в дом».*

Судя по всему, партизанами Ломакины на плитах кургана Славы названы потому, что укрывали не только мирных жителей, но и наших бойцов. Как минимум точно известно, что некоторое время они прятали в подвале вернувшегося из госпиталя деда. Вероятно, вместе с ним прятался и тот парень, с которым они позднее ушли в лес. Иначе где бы в оккупированном городе познакомились два затаившихся красноармейца?

— Дед, и что дальше?

— Отступавшие немцы поджигали деревянные дома, каменные взрывали. Подожгли и дом моих дядей. Они выбежали и стали тушить соломенную крышу. Поджигатели их расстреляли, тела бросили в огонь. Дом и все имущество сгорели.

— А другие члены семьи?

— Женщины похватали детей и через окно убежали в поле, где по морозу прятались до темноты.

— А ты?

— А я вернулся в Богородицк сразу после ухода немцев.

Виталий Никольский, сотрудник ГРУ 10 армии, вспоминал об освобождении Богородицка: *«Мотоцикл, на котором поджигатели намеревались догнать свои заблаговременно удравшие войска, отказал, и немцы попали к нам в руки. Один из них пытался схватить автомат и был убит. Захваченной в плен поджигатель — белобрысый ефрейтор лет 25 — не успел даже бросить факел из пакли, смоченный, очевидно, бензином... Мы еще не закончили допроса, как в село прибыл генерал Голиков с группой офицеров штаба и корреспондентом «Красной звезды» К. Симоновым».*

Константин Симонов напишет: *«Разве можно их назвать пленными, этих убийц и поджигателей, да и вообще, разве применимо к ним какое-нибудь человеческое слово? Пуля в лоб — единственное, что они заслуживают»*. Естественно, второго поджигателя тут же «пустили в расход». Может, именно эти двое расстреляли дядей деда?

ГЕНЕРАЛ РУССКИЙ МОРОЗ

Поговорка о том, что дома и стены помогают, родилась не на пустом месте. По крайней мере, под Москвой в ноябре — декабре 1941 года русские морозы явно воевали на стороне Красной Армии, в чем их напрямую и обвинил позднее в своей книге «Воспоминания солдата» легендарный командующий второй танковой армией генерал Гейнц Гудериан: *«По окончательно разрушенной дороге Орел — Тула наши автомашины могли передвигаться с максимальной скоростью 20 км/час, да и то не всегда... войска плохо снабжаются, а с 20 октября они даже перестали получать хлеб... Морозы, наступившие в ночь с 3 на 4 ноября, хотя и облегчили передвижение, однако случаи обморожения наносили войскам большой урон... 7 ноября морозы впервые нанесли нам тяжелые потери. ...12 ноября температура упала до 13 градусов мороза, 13 ноября — до 22 градусов... Теперь же не май месяц, и мы не во Франции! ...мешала гололедица, ибо при отсутствии специальных шипов для гусениц танки не могли преодолевать обледенелые склоны. ...Значительная часть солдат была одета в брюки из хлопчатобумажной ткани, и это — при 22-градусном морозе! ...Наших солдат, одетых в русские шинели и меховые шапки, можно было узнать только по эмблемам... Из-за морозов потели стекла оптических приборов, а специальная мазь, противодействующая этому, до сих пор не была получена. Перед пуском танковых моторов их приходилось разогревать. Горючее частично замерзало, масло густело... каждый полк уже потерял... не менее 400 человек обмороженными, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанко-*

вые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка».

Так вот почему хваленые гитлеровские воины не брезговали никакой едой и рядились в отобранную у местных жителей разномастную теплую одежду, напоминая своим нелепым видом французов в 1812 году. Генерал Русский Мороз воевал уже тогда! Странно, что Гитлер не учел печальный опыт Наполеона. Красивый план молниеносной войны провалился, обнажив просчеты фашистских стратегов. Немецкая армия страдала не только без теплой одежды.

Немецкий хирург Ханс Киллиан в своей книге «В тени побед» вспоминает о плохом обеспечении гитлеровских медиков: *«Перед началом стремительного наступления наших войск вышел строгий приказ весь тяжелый груз оставить на границе, в том числе и рентгеноскопы. В конце концов, подразделения медицинской службы должны поспевать за боевыми частями, им нужно быть мобильными».*

Киллиан описывает солдат, повредивших себе слизистые пищевода и желудка замерзшим хлебом. 80 % раненных — это обмороженные. Пехотинцы обмораживают руки, в которых находилось оружие, танкисты, долго сидящие в своей машине, — промежность: *«Солдат, обморозивший себе уши, губы и язык. Объясните мне — как можно язык обморозить? Не знаю...»* Шок врача вызывает полное отсутствие антибиотиков, в связи с чем раны прижигают каленым железом.

— Дед, а как отмораживали ноги? Немцы же не босые ходили?

— Немцы ходили в узких облегающих сапогах. Набьется в такой сапог снег и поначалу от тепла ноги растает. А вскоре мороз превращает воду в лед, сковывая всю им ногу. Снять такой сапог обычным способом невозможно. Санитары в госпитале его аккуратно разрезают, после чего откалывают с ноги куски льда. Иногда ноги промерзали так сильно, что пальцы просто отламывались.

— Ужас какой-то.

— Или ломает солдат ногу. Ему накладывают гипс. Пока везут в госпиталь, нога отмерзает ровно по линии наложенного гипса.

И снова стон Гудериана: *«4 декабря... Температура упала до минус 35 градусов. 5 декабря... из-за 50-градусного мороза были лишены возможности передвигаться... Потери от обморожения были больше, чем от огня противника... Русские хорошо снаряжены и хорошо подготовлены к зиме, а у нас ничего нет».*

Подтверждения 50-градусных морозов мне найти не удалось, но морозы за 30, на которых замерзали летящие птицы, вспоминают многие ветераны.

Ответное слово «маршала Победы» Георгия Константиновича Жукова: *«Генералы Г. Гудериан, Г. Гот и другие основной причиной поражения немецких войск под Москвой, наряду с ошибками Гитлера, считают суровый русский климат... И погода, и природа... в равной степени воздействует на обе противоборствующие стороны. Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах... Произошло это потому, что гитлеровское руководство собиралось налегке пройтись по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами. Значит, дело не в климате... Другие генералы, буржуазные историки винят во всем грязь и распутицу... Наполеон, загубивший свою армию, тоже ссылался на русский климат. Но я видел своими глазами, как в ту же самую распутицу и грязь тысячи и тысячи москвичей, главным образом женщин, не приспособленных, вообще-то говоря, к тяжелым саперным работам, копали противотанковые рвы, траншеи, устанавливали надолбы, сооружали заграждения, таскали мешки с песком».*

ПЕРВЫЙ, ОН ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ

Проявили себя не только москвичи. Для обороны Тулы спешно организовали Тульский рабочий полк. Ключевым в этом названии стало слово «рабочий». Полк собрали из оставшихся в городе освобожденных от призыва рабочих, студентов и старших школьников.

Хорошо еще, что в оружейной столице своими силами решалась проблема вооружения: ополченцы делали себе винтовки и прямо из цехов шли с ними в бой. Но мало иметь винтовку. Не хватало элементарных знаний и навыков ведения боя.

На полторы тысячи рабочих-бойцов приходилось 3 офицера и одна каска. Каждому третьему ополченцу не было 18 лет. Ветеран МВД Валентин Аккуратов рассказывал о своем первом бое: *«Вспомнил, как в довоенных фильмах показывали атаки, схватил винтовку и побежал на немцев с криком: «Ура!» Как выжил — не знаю».*

Многое делалось в спешке. В результате минное поле, приготовленное для фашистских танков на подступах к современной улице Волнянского, сработало только в мирном 1947 году, когда на него наткнулись строители. Осенью 1941, мины на боевой взвод почему-то так и не поставили. Если бы не это, может, и не назвали бы тульскую улицу именем лейтенанта Григория Волнянского, ценой жизни не пустившего танки в город. Зато, возможно, для двадцатилетнего командира противотанкового заслона, как и для многих бойцов рабочего полка, первый бой не стал бы последним.

Больше недели бойцы рабочего полка, неся огромные потери, из последних сил удерживали фашистов у подступов к Туле. Дожди последних дней октября резко сменились жестокими морозами. Окопы, наполовину залитые водой, в одночасье превратились в каток. Бои шли в районе современного автовокзала (тогда — окраина Тулы). Из-за разрушения линии электропередач Тула осталась без электричества.

Последней надеждой по городу разлетаются слова блаженной Дуняши, оказавшиеся пророческими: «Немцы в Тулу не войдут, я заперла ее на замок, а ключи потеряла». Ситуацию спасла подоспевшая на помощь 50 армия. Правда, назвать армией подошедшие к Туле части, только что вышедшие из окружения, можно с огромной натяжкой: из 75 тысяч человек списочного состава в наличии оставалось чуть более 7,5 тысяч человек. Почти половина из них даже не имела винтовок.

Превосходящим силам фашистов оставалось пройти не более 5 километров, чтобы замкнуть кольцо вокруг города оружейников. Враг перерезал шоссейную и железную дороги, связывающие Тулу с Москвой. Гудериан уже обещал своим солдатам зимние квартиры в Туле. И вопреки всему начавшееся 5 декабря на всем Московском направлении наше контрнаступление вновь утвердило Тулу в статусе щита Москвы, никогда не сдававшегося врагу.

По словам генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Болдина, командовавшего защищавшей Тулу 50-й армией, дошло до того, что *«800 немецких солдат переоделись в гражданское платье и в нем пытались пройти через расположение наших войск».*

Дадим последнее слово Гудериану: *«Лишь тот, кто в эту зиму нашего несчастья лично видел бесконечные просторы русских снежных равнин, где ледяной ветер мгновенно заметал всякие следы, лишь тот, кто часами ехал по «ничейной» территории, встречая лишь незначительные охраняющие подразделения, солдаты которых не имели необходимого обмундирования и питания, в то время как свежие сибирские части противника были одеты в отличное зимнее обмундирование и получали хорошее питание, лишь тот мог правильно оценить последовавшие вскоре серьезные события».*

ЛЕГЕНДА О ДОБРОМ НЕМЦЕ

Георгий Жуков: *«Армия Гудериана... начала поспешно отходить в общем направлении на Узловую, Богородицк и далее на Сухиничи, бросая тяжелые орудия, автомашины, тягачи и танки... Была наконец ликвидирована угроза городу Туле».*

— Немцы переливали дефицитный бензин из танков в грузовые машины, чтобы увезти как можно больше людей. Танки, само собой, бросали. Богородицк служил гитлеровцам одной из баз 2-й танковой армии Гудериана, поэтому оказался буквально забит целыми и изуродованными машинами, танками и броневиками. Грузовики, штабные машины, автобусы, мотоциклы и велосипеды стояли почти в каждом дворе.

— Дед, а в плен немцы попадали?

— Редко. Наши бойцы не очень-то брали пленных.

— Почему?

— Потому что отступавшие гитлеровцы оставляли после себя пепелища и виселицы.

— И что было?

— Были убитые, и не было пленных.

Тем не менее, главной богородицкой легендой об отступлении фашистов стала история о неком добром немце, предупредившем жителей о готовящейся на городской площади расправе. По одной версии явивших по приказу германских властей к 11 утра ждал расстрел, по другой — отправка в качестве рабов в Германию.

— Дед, так что же замышляли немцы?

— Думаю, расстрел. Кругом лежал глубокий снег, фрицы сами с трудом выбирались из города, бросая автомобили и военную технику. Железнодорожные пути были перебиты.

— Да, вывозить людей в таких условиях невозможно.

— А у плотины стояло два пулемета. Площадь ведь тогда располагалась где теперь горсад, прямо у пруда. Так что к расстрелу фашисты приготовились.

— Дед, тебя же не было в городе. Откуда ты знаешь про пулемет?

— Знаю.

Большинство горожан, переживших оккупацию, утверждает, что тот самый добрый немец стоял именно в их доме, и именно они разнесли эту весть по городу. Не стоит искать черную кошку в темной комнате. Главное, что план фашистов был сорван. Накануне вечером жители покинули город.

Моя бабушка подалась к родне. В Щекино. 60 километров пешком. Зима не поскупилась и навалила снега по колено. Морозы стояли под 30 и более. В числе немногочисленных вещей в котомке она несла любимый томик стихов Генриха Гейне на языке оригинала. Шла ночью, днем немецкие самолеты обстреливали.

Варвара Введенская: *«Когда слышался гул очередного самолета, мы разбегались в разные стороны по полю и ложились на снег в надежде, что хоть кто-то останется в живых. А когда налет прекращался, опять сходились к маме, но каждый раз на поле оставался кто-то из горожан. Стоны, крики, плач».*

Как часто бывает, нашлись воспоминания и более везучих беженцев, находившихся там же и тогда же. Людмила Северова: *«Четырнадцатого декабря мы с мамой, все наши соседи, захватив самое необходимое, оставив дома и квартиры, стали уходить из города. Мы дошли до Ломовки. Немцы в нас не стреляли, только смеялись и фотографировали».*

Жительница поселка Аварийный Ольга Альмашова: *«Перед наступлением наши летчики обстреляли поселок и попали в гараж, где находились баллоны с кислородом.*

Баллоны начали один за другим взрываться, а немцы, наверное, думали, что это стреляют русские, начали спешно уходить. Кто уезжал на машинах, кто на лошадях, побросав все свои орудия. Наши пришли вовремя... немцы решили повесить на следующий день 25 жителей. Не успели».

Елизавета Трубленкова: *«Решила отсидеться в дзотах, что немцы построили. Сунулась туда, а там уже чуть ли не вся деревня схоронилась. Коров и коз неподалеку привязали. Да не пускают свои же деревенские к себе — Валька-то, моя меньшая, раскричалась. Она вообще горластая была. Только я не отступала: «Ишь ты, дочь моя выдаст своим криком, а коровы, что рядом привязаны, не выдадут?» Переругалась со всеми, но все-таки влезла в укрытие».*

«ОЖИДАЮТСЯ МАССОВЫЕ РАЗРУШЕНИЯ И УБИЙСТВА»

— Дед, расскажи, как освобождали Богородицк?

— Наши начали артобстрел города еще с вечера.

— Дед, но ведь в городе оставались не только фашисты? Наши войска об этом знали?

— Возможно, знали.

— Как же можно ровнять с землей город с мирными жителями?

— По-твоему, Красная Армия должна была послать телеграмму: «Уважаемые мирные жители! В связи с внезапным штурмом убедительно просим покинуть город, так как ожидаются массовые разрушения и убийства?» На войне как на войне.

— ...

— Иначе победы не видать.

Позже пленные рассказывали, что гитлеровское командование приказало удерживать Богородицк во что бы то ни стало. Прижимистым немцам не хотелось отдавать размещенные в городе большие запасы горючего, боеприпасов, продуктов и другого имущества, ведь Богородицк стал базой снабжения 2 танковой армии Гудериана. К тому же гитлеровцы опасались, что, прорвав их оборону у Богородицка, 10-я армия Ф. И. Голикова выйдет в тыл силам Гудериана и встретится с защищавшей Тулу 50-й армией И. В. Болдина. В результате оборону рубежа Узловая — Богородицк — Товарково держали 6 дивизий Вермахта.

Слово генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову, командующему 10-й армией, освобождавшей Богородицк: *«На город наступала 324-я стрелковая дивизия, которую здесь возглавил... полковник Г. М. Немудров... Тем временем разыгрался буран. Снежные вихри затянули сплошной пеленой землю и небо. Опустилась ночь. Под прикрытием вьюги части дивизии вплотную подошли к городу. Глубокий снег затруднял развертывание артиллерии, но расчеты выкатывали орудия на руках и действовали смело. Они вели огонь прямой наводкой. Подразделения 1093-го полка, внезапно появляясь из метели, атаковали вражескую пехоту и смяли ее. Небольшими группами наши доблестные воины проникли в совхоз, расположенный в предместье города, и на северо-восточную окраину города».*

Интересно, что творилось в душе Ф. И. Голикова, оказавшегося в самой гуще войны, в возможность которой еще полгода назад он отказывался верить? Перед войной именно Филипп Иванович, возглавлявший Главное разведывательное управление Красной Армии, вторя установке Сталина, отрицал вопреки имевшимся фактам возможность нападения Германии на СССР. В 10-й армии об этом знали.

Вот что вспоминал сотрудник разведотдела 10 армии Виталий Никольский: *«Армией в ту пору командовал бывший начальник РУ Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, приложивший перед войной немало усилий к тому, чтобы*

сгладить остроту информации с мест о готовящемся немцами нападении на СССР... Разведотдел штаба армии был почти полностью укомплектован бывшими сотрудниками РУ, не имевшими, к несчастью, так же, как и начальник, опыта практической работы в войсках. Но это все были молодые, энергичные, смелые командиры, восполнявшие недостаток боевого опыта старанием, готовностью выполнять любые задания, не считаясь с их трудностью и опасностями».

Военная удача несколько раз ускользнет от Ф. И. Голикова, но это случится позднее, под Воронежем и Сталинградом. Бои под Тулой стали одними из самых успешных в карьере генерала, о чем он с удовольствием писал: *«...в юго-восточную окраину [Богородицка] ворвался 1-й батальон 1091-го полка под командованием лейтенанта Н. А. Королькова. Бойцы батальона захватили 12 пленных, артиллерийскую батарею, несколько автомашин и оружие... Часам к пяти утра ружейно-пулеметный огонь стих, а отблески огня стреляющих орудий и звуки рвущихся артиллерийских снарядов отдалялись все дальше... Вскоре не стало слышно и их... Богородицк взят. С рассветом... нам представилась тяжелая картина: дома горели, на улицах лежали трупы расстрелянных жителей, по городу, разыскивая родных, метались женщины и дети. В центре Богородицка стояла виселица с трупами двенадцати замученных гитлеровцами местных жителей».*

— Дед, как все было?

— Метель разыгралась такая, что нельзя было ничего различить на расстоянии нескольких метров. От грохота артиллерии можно было оглохнуть. Горело все. Огонь освещал улицы лучше электрических фонарей. Лопались оконные стекла, грохали падающие внутрь домов крыши, в ожидании конца ревели запертые домашние животные.

— Дед, ты там был?

— Был. Через несколько дней. Мне рассказывали. Вошедшие в город освободители поразили истрепавшихся жителей новым обмундированием: белые полушубки, шапки с подшлемниками, валенки.

— Валенки? Разве это военная форма?

— В них теплее всего. Забыл, какие морозы стояли? Нашим ребятам носы и щеки гусиным жиром мазали, чтоб не отмерзали.

— А почему полушубки белые?

— Для маскировки. Ведь кругом снег. По нему и передвигались больше на лыжах и санях. Машины моментально глохли или застревали в сугробах.

Вспоминает Ф. И. Голиков: *«При своем отступлении противник вынужден был бросить в Богородицке более 170 грузовых и специальных машин, 53 мотоцикла, 57 легковых машин, 9 зенитно-пулеметных установок, 3 исправные противотанковые пушки, одно тяжелое орудие калибра 210 мм, десятки ящиков патронов и много военного имущества. Наши потери при освобождении Богородицка были незначительны».*

Виталий Никольский, сотрудник разведотдела 10 армии: *«Из подвалов и погребов... начали выползать местные жители. Все они наперебой рассказывали о страданиях, которые им пришлось пережить за короткое время оккупации... Богородицк был освобожден. Трудно описать волнение, охватившее нас при встрече с жителями города. Со слезами радости они обнимали и целовали солдат и командиров. Старики крестились и крестили проходящие подразделения. Город горел... Войска проходили через центральную площадь, на которой стояла большая виселица в виде буквы П, на которой, тихо раскачиваясь от порывистого зимнего ветра, висели трупы. Их было много. Подростки, женщины, старики... Войска проходили мимо виселицы, как бы отдавая воинские почести погибшим бойцам, и не могло быть более убедитель-*

ной и действенной пропаганды против фашизма, чем вид этих босых обезображенных смертью людей... Войска двигались к Плавску».

Ночное, сопровождавшееся метелью, наступление Красной Армии стало для гитлеровцев большой неожиданностью. На железнодорожной станции Жданка остался брошенным целый железнодорожный состав с продовольствием и обмундированием. В поселке Товарково спешно отступавшие фашисты сожгли госпиталь вместе со своими тяжелоранеными. Весь следующий день немецкие самолеты бомбили оставленные в городе склады.

ЖИЗНЬ И ШКУРА

Оккупация обернулась для людей экзаменом, который каждый сдавал по-своему. Впрочем, как и любой другой экзамен. Одним досталось по полной программе. Другим повезло, и это испытание они пережили без особых потрясений. Кто-то рассчитывал на собственные силы, кто-то хитрил и изворачивался.

— Дед, это те самые полицаи и предатели?

— Да. Уважения они, конечно, не заслуживают, но вряд ли из сытого настоящего мы имеем право осуждать людей, пытавшихся спасти себя и своих близких.

— Мы не можем, а как к ним относились тогда?

— По-разному. Одни не любили, но и не осуждали. А другие говорили, что спасали они не свою жизнь, а свою шкуру. Разницу ощущаешь?

— Да уж.

— Это ты сегодня знаешь, что оккупация продлилась месяц, а в 1945-ом пришла Победа. А тогда Красная Армия спешно отступила, немец стоял у самой Москвы, вести с фронта все хуже и хуже, Богородицк стал частью еще непобедимой Великой Германии, подмявшей под себя почти всю Европу. Человек слаб. Не все верили в возвращение наших. Объективно говоря, оснований для такой веры в тот момент было мало. Каждый выживал, как умел.

— Получается, оккупация стала экзаменом на веру?

— Оккупация стала экзаменом на порядочность. И сдали его не все.

— Люди разные, ситуации у них тоже разные. Может, у кого-то просто не было выбора?

— Выбор есть всегда: оставаться человеком или нет. Даже среди фашистов находись люди. Моя двоюродная сестра Оля (Ольга Константиновна Ломакина, по мужу Савельева), тоже пережившая оккупацию города, вспоминала, как они с девчонками вечером, уже после наступления комендантского часа, собрались у подруги. Стали петь песни. И в этот момент в комнату вошел немецкий офицер с автоматом. Все замолкли, ожидая худшего. Незваный гость сел и... запел «Интернационал», причем по-русски. Язык явно не был для него родным, но владел он им хорошо. Немцу стали подпевать. После первого куплета он остановил нас: «Тише, дойтчен солдатен услышат», — поднес палец к губам и вышел.

— И что?

— И все. Он свой экзамен сдал.

— Сложно все. Враги разные, наши разные...

— У разных людей и жизни разные. Совесть, правда, одна. Многих главный экзамен ждал впереди. Мало выжить в оккупации. Предстояло пережить полную разруху и хронический голод, обострившиеся из-за них болезни. Предстояло победить.

Алексей Гусаков
(г. Тула)

СЛОВО О ЛИТЕРАТУРЕ

Член Союза писателей России, автор нескольких книг поэзии, лауреат областной литературной премии имени Льва Толстого.

Нет ничего отвратительнее в русской литературной жизни всякого рода обществ, казалось бы, по разным обстоятельствам, объединивших совершенно различных обитателей этой самой литературной жизни. Но при внимательном рассмотрении у всех этих обществ обнаруживается абсолютно одинаковое свойство: все они держатся на единодушном неприятии русской составляющей, как ни странно, в русском же языке...

Такое единодушие само по себе было бы безвредно, если бы не внушало в этих сообществах, их постоянным или приходящим участникам, чувство неспокойной значительности и, что стыднее всего — чувство обязательной необходимости присутствия их в пределах самого русского языка....

Эти сообщества притягивают людей, совершенно далеких от поэзии, и которых на самом деле всегда подспудно волнует вопрос: насколько они ущербней и беспомощней других в плане стихосложения, и оттого постоянно и неумолчно бродя внутри своих групп, страстно надеются высмотреть в стихах собратьев то, чем можно оправдать свое творчество.

Поэтам, пишущим качественно и профессионально, такие общества противны хотя бы из-за того, что хорошему поэту нужна аудитория, а не косноязычные рассуждения о поэзии людей, никаким образом за нее не ответственных и существование которых в этой поэзии представляется возможным только им.

Мне довелось посетить некоторые областные и городские писательские союзы в центральной части России, и почти везде состояние дел не внушает надежд на какой-нибудь качественный скачок вопреки расхожему мнению о переходе количества в качество, ибо литература — штучный товар, и порядка десяти тысяч членов Союза писателей — это, я бы сказал, следствие коррупции бездарности, как и в других областях нашей государственности.

Вообще, коррупция и есть неотъемлемая составляющая бесталанных индивидов.

Поколение, воспитанное советской системой, что бы там ни говорили теперь, имело крепкую образовательную (лучшую в мире) базу, стойкую патриотическую направленность (без чего ни один поэт как поэт состояться не может), несмотря на все идеологические перекосы, сотворяемые, опять же, ординарными невыразительными функционерами.

Имена наиболее достойных — у грамотных людей на слуху, но кто приходит сейчас на место, пусть и не равнозначных, но, все-таки, действительно — писателей

и поэтов? Восьмидесятилетние, как и семидесятилетние, передают бразды шестидесятилетним, среди которых не очень выделяется кто-то значительный, а среди пятидесятилетних этот процент еще более клонится в сторону уменьшения, и говорить о сорокалетних и тридцатилетних, совершенно не могущих сдвинуться с нуля, здесь не приходится.

Случилось посидеть в жюри на одном то ли конкурсе, то ли семинаре поэтов, номинально молодых, от 16 до 40 лет, и то, что вдохновенно озвучивалось участниками, вгоняло в совершеннейшее недоумение бессмысленностью восприятия этими участниками себя в поэзии, умеющими рифмовать (и то не всегда), но откровенно не могущими осознать, что поэзия смысла — и есть то, к чему надо стремиться.

Поэт — понятие абсолютно элитарное, и все, что он творит, изначально предназначено лучшей части общества, настоящей элите, а не той, которая нынче себя таковой провозгласила. Осознанно или неосознанно люди, пишущие стихи, все-таки выделяют себя изо всех прочих именно желанием присутствия себя в элите, и это желание заслоняет в них здравый смысл и критическое отношение к своему творчеству.

Раньше членство в Союзе писателей как раз подразумевало вхождение в элиту в той стране, где мы жили. Настоящая элита, растерзанная на длине века, осколочно поблескивала в советский период. Что мы имеем сейчас? Абсурдное количество поэтов и писателей, заменивших качество количеством.

Литературная критика находится в таком состоянии на сегодняшний день, что определить ее как обязательную и неотъемлемую составляющую современной творческой жизни, при всем многолюдстве на других направлениях, не представляется возможным и, мало того, предпосылок, что положение вещей как-то уравновесится в будущем, не наблюдается.

Только при полном незнании предмета, обозначаемого как критика, можно всерьез воспринимать абсолютно субъективные, в большинстве своем ангажированные, и, что самое удручающее, безапелляционные в самой своей подаче, будь они хвалебные или уничтожающие, замечания о произведениях того или иного писателя (в данной статье — поэта).

Первый и самый правдоподобный постулат критики, взятый на вооружение,— опять же, не по своей воле, а в продолжение устоявшейся традиции, передаваемой, как заклинание, от одного поколения к другому,— состоит в том, что поэту, дескать, просто необходимо как можно больше читать других поэтов, дабы развиваться во всех направлениях. Скажем сразу, что подобное утверждение имеет право на существование, но не должно накладывать на доверчивого или неопытного автора сочинений обязательств по выполнению этого не только спорного, но и к тому же вредного совета, впрочем, так же, как и для более развитых литераторов.

Сочинения других авторов необходимо читать, но читать только после глубокого знакомства с мировой классикой, и чем раньше пора этого знакомства настанет, тем больше возможностей и вероятностей, что в соответствии с природным дарованием этот труд даст положительный результат в дальнейшем.

В блаженную пору открытия для ума и души лучших образцов мировой и отечественной литературы на всю последующую жизнь заливается тот фундамент, на котором поднимутся стены собственных творений, выложенные по разумению и просто умению каменщика.

Когда наряду с великими писателями читают Бродского или Рыжего, Лескова перемежают с Боборыкиным, а Сергеева-Ценского с Пикулем, то это не приносит никакого зла здоровому изначально дарованию, умеющему быстро и бесповоротно отделить действительное от надуманного, чтобы больше никогда не возвращаться к этой точке

Воспитанный только на Маяковском, Хармсе и Хлебникове никогда не сможет встать в один ряд с тем, кому глубоко знаком Данте, Лонгфелло и Бунин, а все потому, что первых можно только копировать, тогда как в развитии начал творчества они сообщают экспериментальное направление, ищущее в игре слов оправдание бессмысленности творчества, а вторые ставят слова на службу смыслу, отчего те распространяются в стройные порядки, которым хочется соответствовать без подражательства, но с затаенной увлеченной надеждой дотянуться до гармонии, сложившейся из смысла, красоты речи и образов, и не щипать несчастного Пушкина за бакенбарды безумными верлибрами, хокку и тому подобными выкидышами болезненной души.

Критика отечественная осталась в золотом веке русской поэзии, а та часть, что попыталась пройти дальше, сгнила в растленном серебряном веке, когда местечковая поэзия, заявившая о своих претензиях на место в русской литературе, так преуспела в этом, что до сих пор великая русская поэзия не может отмыться, и это, главным образом, из-за того, что критика из инструмента, которым виртуозно пользовались еще Белинский и Писарев, стала одним из способов продвижения угодных и умерщвления неугодных.

Можно возразить, что для критики (в сегодняшней ипостаси), ищущей объекты для приложения, таковых уже много лет не находится, так как критика не имеет права развлекаться на ничего не стоящих произведениях, слишком распространившихся во всех направлениях, а должна выводить на свет сюжеты многослойные, неординарные, могущие содействовать пониманию окружающими своего места во времени и вне его, строго благожелательно рассматривая их со всех значимых позиций, и на подобную точку зрения найдется немало доброхотов.

Решусь согласиться, но с небольшой оговоркой: объекты потому не находятся, что их не ищут, хотя не факт, что они вообще есть, но поиском их навряд ли кому охота заниматься, ибо для этого нужен такой же талант, как и для написания стихотворений. Были невразумительные попытки реанимировать русскую поэзию, но без самостоятельной и талантливой критики мы получили всего несколько имен, в гениальности которых то самое подобие критики убеждает нас спорадически от юбилея к юбилею, вероятно, от вопиющей безысходности на поэтическом поле, назначившее их великими русскими поэтами, чему нет желания и понимания противиться всем остальным, принимая как правильное.

Слабо, но все же надеюсь на то, что написанное мною воспримут не как посягательство на священных для кого-то коров, а как спокойный и благоразумный просмотр состояния дел в современной поэзии, пропущенный через собственный опыт и понимание, независимо от любых других, и постараюсь в дальнейшем не грешить субъективностью в силу этих самых опыта и понимания.

Вопрос критики сцеплен с таким множеством других вопросов во всех областях жизни, что иному человеку пришлось бы задуматься: а стоит ли оно того потраченного времени и тех приложенных умственных сил? Осмысление положения дел в поэзии ничего само по себе не стоит без пристального непредвзятого взора на состояния дел страны, будь то политика или экономика.

В стране, снабженной огромными богатствами природы, государство , частично захваченное недоброкачественными людьми, ищущими лишь собственной выгоды от занимаемых должностей, принуждает великое большинство народа жить на пороге и за порогом бедности, — того народа, чувство справедливости в котором является главным движущим стимулом на протяжении всей его истории, и поэзия остается одним из последних решительных оплотов, за которые народ, в массе своей пока еще просвещенный, держится иногда совершенно бессознательно, но с отчаянным упор-

ством. Потому не должно вызывать удивления то огромное количество пишущих, обнаруживших в себе потребности и способности, часто преувеличенные, к литературной деятельности. Только на этом поле человек может выразить свое отношение к совершенно ущербным людям во власти, лишенным всякой морали, как и надежды на исправление. Общество, до конца не развращенное, пробует сохранить основы любви и самой сути жизни, изо дня в день методично разрушаемых прислугой антирусского лобби, аккумулирующего для этого разрушения все ресурсы, отхваченные у законных хозяев.

Такие умозаключения логично приводят к осознанию того, что русская поэзия нужна только тем, кто на самом деле не равнодушен к своей Родине и к ее будущему. Власти сегодняшних чиновников хорошая, высокая, великая поэзия не нужна, а скорее наоборот, она угрожает ей как вечный антипод тому животному, точнее, людоедскому началу, доминирующему в этой власти. Призывы к совести, чести и всяческим добродетелям могут и обязаны оставаться в отведенных для этого местах, да и то под негласным присмотром.

О какой критике можно говорить, если сломан стержень, скреплявший поэзию разных поколений в ее преемственности, если вросшие с советских времен во все возвышенности литературного ландшафта старшие товарищи упорно, насмерть отстаивают занятые позиции от талантливых и бесприютных авторов новых призывов. Обсевшие все сколь-нибудь значимые должности в литературе, сами давно уже творчески бесплодные,— причем, многие — изначально, — с маниакальной лихорадочностью дерутся между собой за медали и грамоты, гранты и звания, создавая союзы и академии, принимая в них не по весу талантов и дарований, а по весу кошельков и лояльностей, и, в довершение всему, озабоченные своим потомством, которому всеми правдами и неправдами заботливо завещают нагретые места. Нужна ли им критика — вопрос риторический, поскольку такая критика мгновенно обнажит всю несостоятельность их творчества, которое и дало им все те блага, пользуясь очевидным отсутствием внятного и обстоятельного разбора в каждом случае отдельно.

Частично в роли критиков выступают редакторы журналов и газет, во многих случаях единолично составляя порядки и критерии публикаций сообразно своему уровню или полному отсутствию такового, и такое положение вещей может устраивать только этих редакторов.

А теперь ответьте: нужна ли, к примеру, мне их критика, если все их достоинство заключаются в том, что они раньше меня оказались на белом свете или в нужном месте, и, соответственно, расположились раньше на господствующих высотах?

Это самый больной вопрос критики — кто может ей служить? Кому должен вверять свои стихи поэт, если у него нет уверенности в профессионализме условного критика, да и не стоит забывать, что, как мы все знаем, каждый пишущий все равно в душе считает свои стихи лучше других?

У всякого здравомыслящего автора всегда есть к чему стремиться, и есть такие же авторы, творчество которых он явно или подспудно уважает, а значит и мнение их должен ценить. Формат этого портала позволяет напрямую обращаться друг к другу, чем непременно можно пользоваться для написания критических, обязательно публичных, статей друг другу по обоюдному согласию.

Советую примириться с тем, что уровень собственного творчества, как и оценки чужого, у каждого разнится на порядки, и, вполне естественно, большее количество таких критических статей не будет представлять ценности, но зато мы абсолютно точно получим некоторое количество достойных разборов не на уровне препарации отдельных стихов, а на уровне серьезного проникновения в среду обитания того или иного поэта, что и явится, как мне верится, началом возрождения института настоя-

щей критики, без которой поэзия просто задохнется, и о смыслах которой необходимо говорить.

Можно понять людей, пишущих дерьмово и выносящих это на люди в том плане, что иначе они в своем дерьме захлебнутся, но нельзя понять людей, с удовольствием это непотребство разбирающих и оценивающих, хотя, конечно, за деньги многие готовы переступить через себя и поплескаться в любой указанной луже.

Передачи телевидения страшны не убожеством творчества участников, а, похоже, сознательным культивированием этого убожества, что является составляющей, весьма очевидно, культурной политики некоторых государственных институтов в целом.

Обрезание образования на русский язык и литературу, при этом с введением в программу изучения чуждых русскому языку писателей, настойчиво ведет нас в такие пустыни, где сегодняшние отпетые графоманы будут восприниматься журчанием родников.

Занимательно то, что многочисленные «поэты» как раз и составляют наконечник копья, входящий в сердце народа. Разрушающее действие, особенно на неустоявшиеся умы людей нового поколения, происходит всякий раз, когда эти служители слова без малейшего стыда и сомнения, выплескивают на аудиторию потоки записанного вдохновения.

Я выступал перед молодой аудиторией и видел, как она ловит слова и как она им хочет верить, потому что молодой ум еще не может представить, чтобы какой-то солидный член лито или союза может быть обычным лжецом, с воодушевлением пропагандирующим свою несостоятельность.

Пропаганда в сегодняшнем дне имеет больше возможностей, чем десятки лет назад, и если при тех ограниченных ресурсах она сумела вдолбить в не совсем необразованные мозги мифы о гениальности пастернаков и бродских, то жутко и думать, что она забивает сейчас, и кого назовут великим с согласия публики.

Для примера можно привести раскрутку Прилепина, играющего отведенную роль в убийстве русской литературы. Не верю, что оскудела талантами земля русская, хотя утвердить меня желают в обратном авторитетные в своих кругах критики, с такой неунывающей настойчивостью восхваляющие совершенно серых, вторичных, а иногда и просто негодных писателей, что возникает подозрение в личном интересе этих самых критиков. Взять того же Владимира Бондаренко, до такого неприличия возносящего Захара Прилепина, что диву даешься. Тот у Бондаренко уже и новый Горький, и живой классик русской литературы и проч.

О постыдно неграмотном, неинтересном, неумном романе «Обитель» написал Владимир Григорьевич столько ласковых слов, что впору в отдельную брошюру связать, да и в серии ЖЗЛ Прилепина увековечить — материала накропал достаточно.

Признаться, меня мало заботят их личные отношения, но удел критика вытаскивать на свет белый действительные таланты, а не муссировать, благо речь и письмо развиты, сочинения людей, ищущих в литературе или через нее любых преференций, что всегда обратно пропорционально таланту.

Вообще, в современной литературной среде сложились разновеликие муравейники, обитатели которых время от времени лениво ходят друг на друга войной — там свои перебежчики, пленные и герои. Клановость пронизала не только власть и так называемый бизнес, но и литературу.

Конечно, клановость существовала и ранее, но сейчас, когда творчество, пусть и самое гениальное, не дает средств к сносному существованию, только принадлежность или приближенность к определенной группе деятелей от литературы, успевших прихватить газету, журнал или фонд, должность или имя почившего классика,

способна выставить перед публикой самого никчемного борзописца, и в некоторых случаях способна заставить поверить некоторую часть публики в то, что этот борзописец и есть наша литература.

Вы давно открывали «Наш современник» Куняева или «Литературную газету» Переверзина? Если у Куняева еще встречаются блестящие критические статьи, ну, хотя бы Воронцова, то «Литературная газета» — просто сплошной стыд, прозой на уровне средней школы как-то пытающаяся доказать, что она еще литературная, а стихи в обоих изданиях даже не заслуживают упоминания.

Мне искренне жаль Александра Проханова, который периодически предоставляет полосы своей газеты «Завтра» под выдержки из «Дня литературы» Бондаренко, который при каждом, даже неудобном случае, старательно пропагандирует свои, как видится, чересчур субъективные вкусы. Жаль мне Проханова потому, что делает он это, скорее всего, по старой дружбе, и отойти посмотреть издалека на окололитературную возню у него нет времени, да и желания.

«Преемственность патриотической линии в отечественной литературе. Александр Проханов и Захар Прилепин» — подпись под фотографией в № 29 газеты «Завтра». Помилуйте, какая преемственность?

Если Проханов великодержавник уже многие годы, гонимый и либералами, и демократами, писатель, у которого есть свой узнаваемый стиль, пусть не совсем мне импонирующий, но свой, то человек, не имеющий ни стиля, ни способностей стиль этот выработать, побывавший и тут, и там, решивший проехаться (вполне небескорыстно) по дорогой сердцу каждого либерала теме Гулага, где абсолютно ожидаемо смог разродиться только описаниями сцен своих половых фантазий, а во всем остальном жалок и неубедителен, можно сказать — никакой, думаю, не может претендовать не только на преемственность, но и на совместную фотографию с Прохановым.

Я честно прочитал «Обитель» до конца, хотя стоило мне это многих усилий и несвойственного терпения.

Возвращаясь к тому, с чего начал эту статью, хочу настоятельно уведомить критиков, и того же Бондаренко, что им пора бы заняться делом, а не профанацией ангажементов в литературе.

За последние 25 лет не появилось ни одного (!) достойного писателя, хотя бы уровня Распутина, ни одного поэта уровня Кузнецова.

Это говорит где-то и об угасании талантливого начала, и о невозможности русских, именно русских, талантов дойти до широкой аудитории. Казалось бы, интернет дает возможность всем, но он до того забит шлаком, что металл разглядеть совершенно невозможно.

Стихотворные сайты вносят свои пять копеек, с одной стороны давая возможность публиковаться всем без разбора (авось читатель разберется), а с другой стороны, устраивая издевательские дегенеративные конкурсы, рейтинги и прочие закоулки, внешнего посетителя старательно направляет в те подвалы, где плодятся только комары, но никак не поэзия.

Лукавство редакций телевизионных «поэтических» программ в том, что они, выпячивая дешевые поделки, знают им цену и позволяют ведущим, кои совсем не дураки, вдоволь издеваться над приглашенными, которые этого заслуживают уже тем, что приперлись со своими бредовыми конструкциями на эфир.

Но награждают пафосно, по-взрослому, что добавляет перчика в это блюдо. Я не так часто смотрю эти программы, можно сказать, совсем редко. Иногда захожу на «Народного поэта», иногда даже знаю, кто стал поэтом года или получил большую премию по литературе. И мне всегда почему-то стыдно за взрослых людей, номинантов или лауреатов, хотя им самим не стыдно.

Поэт — сгусток мыслей, чаяний, судеб народа. Читатель ищет в его стихах то, что хочет или о чем подозревает, но не может выразить это емко и красиво.

Заслуженные домохозяйки, страдающие гормональной ломкой, отставные военные, скучающие на ранней пенсии, юродствующие выкидыши эзотерики, да и вполне состоявшиеся люди на иных поприщах, чувствуют потребность заявить о своем существовании, в чем нет никакой беды, но никому это не интересно, кроме них и группы сочувствия.

Сколь угодно можно злорадствовать по поводу поэтов, но движение, неуклонное, поощряемое злонамеренными версификаторами, пробившимися во власть, заставляет с опасением смотреть в завтрашний день литературы, из которого вдохновенная бездарность, подкрашенная нецензурщиной, уже сейчас сжимает горло великой русской литературы.

НЕКОНЪЮНКТУРНЫЕ РАССКАЗЫ СЕРГЕЯ КРЕСТЬЯНКИНА

Я держу в руках книгу своего коллеги, члена Союза писателей России, прозаика Сергея Крестьянкина «Главное — оставаться человеком».

Хорошее название, а что внутри?

Открываю и сразу натыкаюсь на рассказ «Дура». Настораживаюсь — каким-то негативом повеяло от такого названия. Но с другой стороны, взялся читать книгу, надо прочитать ее всю, чтобы составить о ней свое собственное мнение.

Героиня произведения Галина Прошкина едет в автобусе и думает, как распорядится зарплатой, которую задерживали несколько месяцев на заводе и неожиданно сегодня выдали. Дело происходит в 90-х годах, когда Советский Союз развалили и все предприятия останавливались и закрывались. А то, на котором трудилась Прошкина, еще как-то пыталось удержаться наплаву. Женщина мечтает, что отдаст долги и купит дочери что-нибудь вкусненькое. Живут они вдвоем — муж погиб в Афганистане.

И тут она замечает, что сумка ее открыта, а молодой человек выдергивает из нее свою руку и, быстро пробравшись к выходу, выходит из автобуса. Галина Николаевна выскакивает вслед за парнем, идет за ним и уговаривает отдать кошелек, так как — это все деньги, какие у нее есть и ей нечем будет кормить ребенка. Она рассказывает о своей жизни, о погибшем муже, о заводе... «Нет, без денег мне домой никак нельзя. Я приду, а Машка спросит: «Мама, а что мы сегодня будем есть?» Нет, она не спросит, какие конфеты или пирожные мы будем есть. Она спросит: «Мама, а мы сегодня будем кушать?» Глядя ребенку в глаза, я не найдусь, что ответить. Тогда лучше в петлю... Сил больше нет...».

Но парень продолжает спешно идти и заворачивает за угол дома.

Поняв бесплодность попыток, Прошкина опустилась на траву и заревела от безысходности, размазывая слезы по щекам.

И вдруг вор вернулся. «Если правда, что вы мне рассказали про завод, дочку и погибшего мужа, я верну вам деньги, но только половину, ведь я не один «работал». Ждите». И, действительно, через некоторое время он пришел и отдал половину зарплаты, а в качестве компенсации и свои золотые часы ей оставил — «подарок отца, который тоже погиб в Афганистане...».

И совсем неожиданно в конце повествования героиня заявляет: «А знаешь что, ты заходи к нам с дочкой. Буду тебя подкармливать...» Ну не дура ли?! Нет. Просто такой человек, знающий не понаслышке, что такое нужда и голод и готова подкармливать вора, который отнесся к ней по-человечески.

После прочтения этого рассказа сразу почему-то пришло на ум другое произведение — «Идиот» Ф. М. Достоевского. Я никоим образом не ставлю в один ряд с Достоевским Крестьянкина, но вы знаете, от образов этих разных героев повеяло чем-то похожим. Может быть теплотой души, добротой, состраданием... И название, которое поначалу меня насторожило, теперь воспринимается мной совершенно в других красках и с иным смыслом.

Или взять рассказ «Леня». Спивающийся человек. Жена умерла, и он с детства воспитывает ребенка, если это можно назвать воспитанием. Много мест работы сменил, и отовсюду его увольняли за пьянство. Где-то подрабатывает и тратит деньги на выпивку. Ходит по магазинам, собирает картон и бумагу, сдает макулатуру и вновь «навеселе».

Так они и жили. Сын подрастал. Неожиданно Леня умер. Соседи зашли к маль-

чику помочь с похоронами. И что они увидели в квартире: естественно, «протертый диван, поломанные стулья, ободранные обои... Но что поразило людей — это шкаф и несколько полок битком набитых книгами. Здесь были и классики, и исторические книги, и приключения, и даже труды философов...» Леня понимал, что не сможет справиться с пагубной привычкой и ничем помочь сыну, поэтому «в минуты просветления» он решил оставить ребенку прекрасную библиотеку. И даже когда ему очень хотелось выпить, он мог вынести из квартиры и продать все что угодно, но книги не трогал.

В рассказе «Буханка» мы переносимся в послевоенное время, когда разгромили фашистов и стали восстанавливать свою страну. Много детей осталось без родителей. Один из них — Ваня, девятилетний мальчик. Он бродил по рынку и не смог сдержаться от голода — схватил буханку черного хлеба и стал убегать, пытаясь на ходу отламывать куски и жевать. Его догнали, стали бить. Кто-то начал защищать мальчика: «Что же вы, как фашисты! Взрослые мужики навалились. И кого бьете? Мальца!»...

Читая рассказы С. Крестьянкина, ловишь себя на мысли, что явственно видишь эти образы и ситуации, в которые попадают и люди, и животные. Словно фильм смотришь.

Тем ценно его творчество, что неназойливо подводит читателей к осознанию того, что можно и нужно совершать хорошие поступки. Все рассказы, на первый взгляд, просты и легки для восприятия, но сколько там душевной теплоты и энергии автора, который переживает вместе с героями и за самих героев!

В книге есть целая глава «Эти забавные животные». Конечно, в ней все написано про животных. И на первый взгляд кажется, что здесь записаны лишь интересные наблюдения за кошками, собаками, воробьями... Но рассказы «Дружба», «На Рождество», «Теплое местечко» показывают нам войну глазами ребенка. Действие происходит в Латвии в сороковых годах. И во многом благодаря сообразительному поросенку Хрюне, девочка Инга, да и все домочадцы легче переносят суровые военные годы.

И это, на мой взгляд, весьма ценная сторона его творчества.

Произведение «Главное — оставаться человеком», которое стало одноименным названием этой книги, является авторским воспоминанием о своем двоюродном деде — архимандрите Иоанне Крестьянкине. О нем Сергей Крестьянкин рассказывает, прежде всего, не как о монахе, а как о человеке.

При расставании Иван Михайлович Крестьянкин напутствовал автора такими словами: «Не важно, к какой религии ты принадлежишь, ходишь ли в церковь или ты в силу целого ряда причин после развала царского строя и отделения церкви от государства, являешься атеистом. Главное — оставаться человеком в любых обстоятельствах, жить по совести и поступать по-людски».

Сергей Крестьянкин следует этому совету, и поэтому его произведения совершенно не конъюнктурны — это не легкий детективный жанр, фантастика или модное ныне направление — фэнтези, а обычные рассказы об обычных людях или животных, но пропитаны добротой и любовью.

Не зря же писательница, можно сказать, наш классик Наталья Деомидовна Парыгина, прочитав попавшиеся в свое время ей в руки произведения С. Крестьянкина, рассмотрела в нем интересного, самобытного, имеющего свой стиль, серьезного, а где-то и с долей юмора прозаика. Предложила и дала рекомендацию для вступления в Союз писателей России.

«Главное — оставаться человеком» — хорошая, нужная, своевременная и актуальная книга, к сожалению, с не очень большим тиражом.

Бесполезное дело — пересказ книги. Нужно брать ее в руки и погружаться в чтение самому. Иначе теряется колорит и богатство языка, тускнеют сочные краски.

Знаю, что по военным рассказам С. Крестьянкина был поставлен спектакль молодежным театром. Это ли не показатель интереса молодых к таким произведениям?

Я не пожалел о потраченном времени. Книга легка для восприятия и молодежи, и более старшего поколения. Это добротный образец художественного творчества.

Марк Дубинский, г. Тула

ДВЕ СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, КАК ДВЕ ЛИНИИ ЖИЗНИ

Писатель Яков Шафран, автор книг «Жизнь как один день», «В пути», «Льется жизни стих» и других, вновь решил порадовать своих читателей новой книгой. Это роман под названием «Круг замкнулся». В аннотации этого романа сказано: *«Действие романа охватывает период с 1913 по 2009 год. Любовь, семья, дети, работа, бытовые и социальные проблемы героев предстают перед читателем на фоне исторических и общественных коллизий разных лет. Духовно-нравственные поиски, выбор своего пути, переплетение личного и общего происходит у персонажей порой в условиях далеко не тепличных, а иногда и в борьбе за существование, что не мудрено, ибо они — дети России, страны с непростой судьбой. В произведении даются экскурсы и в древнюю историю, ибо известно — от качества анализа прошлого во многом зависит будущее».*

В общем, написано так, чтобы завлечь любителей остросюжетной и исторической прозы. К сожалению, в аннотации сказано только об одной сюжетной линии, а на повестку дня вышло две. Одна линия охватывает современный отрезок жизни, а другая исторический, дореволюционный период. И эти сюжетные линии идут рядом друг с другом, не соприкасаясь, вызывая тем самым неподдельный интерес у читателя. Долго не можешь понять, что же автор замыслил этими двумя различными сюжетными линиями? И когда уже заходишь в полный тупик, когда начинаешь верить, что под одной обложкой и одним названием сокрыты два разных, не имеющих ничего общего друг с другом, литературных произведения, автор умело и неспешно начинает раскрывать карты, словно дает читателю глоток холодной воды в знойный летний день. Благодаря этому читатель вдруг узнает о том, что главный герой романа, точнее современной его составляющей, Андрей Васильевич Курилов не кто иной, как потомок одной из главных героинь исторической части романа: «*Прабабушка же Курилова Дерябина Аграфена Петровна была крестьянкой и родилась в селе Юзинка Патрусевской губернии в 1889 году. (...) Домочадцы вспоминают — бабушка была трудолюбивой, честной, любила детей, была немногословной»,*— пишет автор.

Андрей Курилов жил со своей семьей в родном городе Патрусевске и руководил частной фирмой под названием — «Неотложка». Это частная служба скорой медицинской помощи. Открыв в городе новое дело, Курилов столкнулся с чиновничьим беспределом, особенно новому делу мешали представители санитарно-эпидемиологической и противопожарной служб.

«Приходят и говорят: «Вам тут нужно покрасить, тут побелить, щит не на том месте висит». А сами все высматривают и высматривают, а в глазах — деньги, деньги, деньги. Давай им и давай, ненасытным»,— в сердцах рассказывал Андрей о своих проблемах жене Юлии. И когда уже начинаешь усиленно переживать за главного героя романа, Яков Шафран, словно сберегая нервы своих читателей, умело и ненавязчиво уводит читателей из современных взбелененных бюрократическо-чиновничьих кабинетов в спокойное прошлое, в 19-й век, на подмосковную дачу доцента Московского университета и кадета по своей партийной принадлежности Михаила Григорьевича Заянчицкого. И чем больше вчитываешься в помещичью жизнь, тем больше и больше вновь начинает казаться, что перед тобой уже совершенно другое литературное произведение, которое никаким боком не касается ни к частной фирме «Неотложка», ни к жителям города Патрусевска, ни тем более к патрусевским

бюрократам. Так кажется до того места в романе, в котором автор рассказывает читателю, как на дачу к Заянчицкому приезжает Санкт-Петербургский профессор и писатель Николай Иннокентьевич Земсков. В разговоре профессор и писатель рассказывает своему другу помещику, что едет из столицы в свое имение в село Юзинку Патрусевской губернии. Ну, наконец-то! Вот она — разгадка! Село Юзинка! Так это же родовое село бабушки нашего главного героя Андрея Курилова. И вновь — интрига! С новым еще большим интересом начинаешь искать хитросплетения, спрятанные от читателей на некоторое время Яковом Шафраном в литературных тайниках.

А дальше Яков Наумович сам начинает раскрывать читателю свои тайники. Тайники сильных духом и верой настоящих русских интеллигентов, русских помещиков, прекрасно описывая в своем романе чистоту их помыслов и духа, гармонию и покой русских помещичьих усадеб.

Влюбляя читателей в своих литературных героев, Яков Шафран словно расшифровывает перед ними код подлинного народного единения, и код этот не что иное, как скрепа между прошлым и настоящим. И как противостояние старинному и благообразному веку, вновь в душу читателя врывается современный век, город Патрусевск, с его сумасшедшим ритмом и беспредельными нравами. На Андрея Курилова наваливается новая беда. Только он с трудом решил вопросы с бюрократическими проволочками, как на него служба по контролю за оборотом наркотических средств возбуждает уголовное дело за хранение с целью сбыта этих самых средств. И мы видим, как переживает Курилов из-за случившегося, как он усиленно ищет выход из сложившихся обстоятельств, но, в конце концов, в бессилии опускает руки. Но в большей степени не этот случай выбил Курилова из привычной колеи, а предательство его товарищей, коллег по работе в неотложке, которые на стадии предварительного расследования, фактически обвинили его в злоупотреблениях. Казалось, все ополчились против Курилова, даже его адвокат, перестав защищать Курилова должным образом, за что Андрей Васильевич расторгнул с ним договор, решив самому защищать себя на суде. Он был уверен, что сможет доказать суду свою невиновность, свою честность.

А честность и порядочность в роду Куриловых существовала издавна, еще со времен его прабабки Аграфены Дерябиной, которая вышла замуж за своего односельчанина Курилова Григория Степановича. Не найдя для себя хорошей работы, супруги Куриловы уехали из своего села в город Патрусевск, где устроились работать на оружейный завод.

Шли годы. Гриша и Груша Куриловы родили и воспитали детей, пережили Первую Мировую войну, революцию, отстояли новую власть в войне гражданской. В тридцатых годах, будучи в Москве Григорий Курилов, посещая Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, неожиданно для себя встретил своего земляка, Юзинского помещика Николая Иннокентьевича Земскова. Долго и о многом поговорили тогда они, сидя в небольшом кафе. Из разговора Григорий Степанович Курилов узнал, что Николай Иванович Земсков после революции эмигрировал за границу, но в начале тридцатых вернулся в СССР. Сейчас живет в Ленинграде, стал профессором и писателем. А перед расставанием обменялись они адресами и телефонами, договорились еще раз непременно встретиться. Несмотря на все жизненные, общественные и политические переустройства, они никогда не были врагами, всегда уважительно относились друг к другу. Они — бывший барин и помещик и его бывший крестьянин — жители села Юзинки Патрусевской губернии.

Яков Шафран в своем романе специально не стал предлагать читателю конфликт между барином и его крестьянином. Это такой авторский психологический прием по внедрению в читательское сознание, что в жизни нет никакой необходимости делиться по классам и озлобляться друг на друга. Что пора нам забыть о «белых» и «красных», а стать обычными, одинаковыми гражданами своей страны и работать на ее

укрепление. На протяжении романа читатель имеет возможность наблюдать за становлением этих двух героев, наблюдать, как вместе со своей страной менялись и они, превращаясь из барина и крестьянина в обычных граждан страны Советов, и не столь важно, что один из них принадлежал к интеллигенции, а другой к рабочему классу.

А тем временем в первой, современной, сюжетной линии романа страсти накаляются до предела. На повестке дня суд над Андреем Куриловым. Суду автор в своем романе отводит большую и серьезную роль. Сам процесс он описывает в двух главах, описывает многогранно и безукоризненно с юридической точки зрения, однако, предавая ему некую форму древнебиблейского Синедриона, где в отношении Курилова, как в свое время и в отношении Иисуса Христа, при вынесении приговора, важную роль сыграл не закон, а сложившиеся жизненные обстоятельства. В то время, когда судьи ушли в совещательную комнату для принятия решения, один из городских чиновников по фамилии Михайлов, после того, как жена Курилова Юлия заключила с ним коммерческую сделку в его пользу, которую тот давно добивался, снял телефонную трубку и сказал в нее кому-то: «Все нормально». Это и повлияло на судебное решение. Вместо запрашиваемых обвинением девяти лет лишения свободы, Андрей Курилов был оштрафован на 600 тысяч рублей. Взяв в банке кредит, Андрей Васильевич выплатил штраф и вновь приступил к исполнению своих обязанностей.

После сюжета с судом, начинает казаться, что действие романа идет к своему логическому завершению. Но не тут-то было! Не тот писатель Яков Шафран, чтобы отпустить своих читателей, не предложив им новую интригующую тайну. Одну из глав своего романа он так и назвал «Тайная тетрадь. Последний сон».

«Кроме преподавания, научной работы и писательства, было у Земскова и тайное занятие — толстая тетрадь в темно-синей коленкоровой обложке. Когда все дела по подготовке к очередной лекции и семинарским занятиям сделаны, когда написана очередная страница статьи и глава повествования, обычно где-то ближе к полуночи, он доставал из сейфа заветную тетрадку и раскрывал ее на очередной исписанной мелким почерком странице. Иногда, как и сегодня, он просматривал написанное ранее, делал исправления и пометки. Содержание всех бесед с коллегами, друзьями и знакомыми до революции и в эмиграции о России, все собственные мысли и тогда, и сейчас, о ее корнях и причинах истории, судьбе и будущем были здесь. (...) Он имел полнейшее право дать ход своим мыслям о будущем России, как он его понимал, и о том, что сейчас, по его мнению, необходимо делать. Ясно было, что доверять эти мысли, как и всю тетрадь, нельзя никому… Потому писал Николай Иннокентьевич и «хоронил» тетрадочку в сейф, подальше от разных глаз, до поры до времени».

Для кого или для чего записывал Земсков в тетрадь свои мысли, он и сам точно не знал. Но он был уверен, что наступят времена, когда эта его тетрадь будет востребована, когда его изложенные на бумаге мысли будут изучать историки и краеведы. Поэтому из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день он, словно статист, фиксировал происходившее вокруг на его взгляд нужное, главное и вечное.

«Дописал сегодня Николай Иннокентьевич последнее слово в своей тетради, поставил точку и откинулся на спинку стула. Почему-то вспомнил о Григории, сильно потянуло к нему. Закрыл он глаза, мирно и благостно стало на душе. И видит Земсков: на белях крыльях какие-то существа несут его к солнцу, и чем ближе они подлетают, становится ясно, что не солнце то вовсе, а в центре света стоит Сам Господь и улыбается ему. «Господи! Помилуй мя грешного!» — прошептал он и вздохнул. Почему-то исчезли все звуки — не капала больше вода из крана на кухне, не постукивала ветка клена в стекло окна под сильным ветром, разыгравшимся сегодняшней ночью, исчезли и все ощущения: стула, пола, рук, ног, халата на теле; исчезла резь в уставших от занятий глазах. Исчезло все, кроме света. И он понял, что этот свет вечен».

На дворе стоял октябрь месяц 1945 года.

Скончавшегося в своем рабочем кабинете Николая Иннокентьевича обнаружила жена. Она тут же позвонила сыну Дмитрию — полковнику, служившему в штабе Ленинградского военного округа, и тот, отложив в сторону все дела, срочно выехал на дачу, где жили родители. Когда Дмитрий вошел в кабинет отца, тот так и сидел, откинувшись на спинку стула. На столе лежала синяя тетрадь, заполненная почерком отца, и Дмитрий, закрыв ее, быстро спрятал за китель. Прочтя тетрадь, Дмитрий сразу понял, что написанное отцом обнародовать нельзя — уж больно смелое вольнодумство было сокрыто под синей обложкой тетради, а потому он, как опытный штабист, спрятал тетрадь до поры до времени.

Это время, время обнародования записей Николая Иннокентьевича, наступило в конце 90-х годов, во времена государственного переустройства. Обнародовать записи честь выпала его правнуку Кеше, теперь уже Иннокентию Николаевичу Земскову. Много усилий применил Иннокентий для публикации прадедовых записей, но в какое-либо издательство он не обращался, везде получал отказ. Отчаявшись, он решил издать книгу с записями из синей тетради за свой счет, и с этой целью начал искать спонсоров. Купив информационную газету, Иннокентий начал обзванивать руководителей различных учреждений и просить их о помощи. Но к своему великому сожалению везде получал отказ, пока не увидел в газете знакомую фамилию генерального директора одной из фирм. Фамилия его была — Курилов. *«Ба! Курилов ведь фамилия Григория, того самого крестьянина, а затем рабочего села Юзинка, где родина прадеда, с которым тот встречался перед войной в сороковом году и имел с ним продолжительную беседу, о чем написано в синей тетради»,— подумал Иннокентий Николаевич.— А вдруг этот директор — потомок того Курилова?»*

Чувства не подвели Иннокентия Николаевича Земскова. Генеральный директор Андрей Васильевич Курилов был правнуком Григория Степановича Курилова, того самого, о котором писал в синей тетради его прадед.

«Встреча Курилова и Земскова подобно той, когда два дальних родственника, никогда ранее не видевшиеся, вдруг пересеклись на жизненных путях-дорогах, вызвала обоюдный всплеск эмоций. И каждый, как водится при этом, старался рассказать не о себе, что обычно происходит при встрече старых друзей и близких, а при общих знакомых. Так Андрей Васильевич вспомнил о своем прадеде Григории и о помещике Земскове, к которому прадед всю жизнь относился с глубоким уважением за его доброту к крестьянам и к нему самому…».

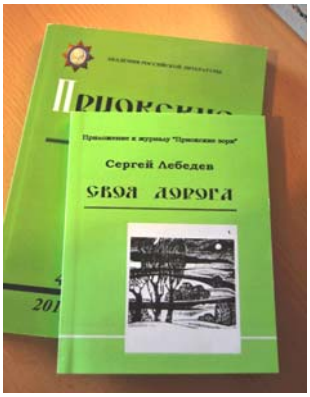
Была ли случайной встреча правнуков Николая Иннокентьевича Земскова и Григория Степановича Курилова? Судя по сюжету романа то да. Их встреча — это случайное стечение обстоятельств. А если отбросить материальное и взглянуть на вещи взглядом духовным, то встреча Иннокентия Николаевича Земскова и Андрея Васильевича Курилова — это, конечно же, судьба, знак, провидение. Да и сам роман своим названием «Круг замкнулся» подтверждает загадочность своей темы, таинственность сюжетных линий и неожиданность жизненных перипетий своих героев.

Начав повествование романа со встречи представителей рода Земсковых с представителями рода Куриловых в 19-м веке, автор заканчивает его встречей представителей их родов в веке 21-м, тем самым соединяя две линии жизни — Куриловых и Земсковых в один круг. Круг как фигуру не только геометрическую, но и загадочную, не имеющую ни начала, ни конца,— фигуру, означающую бесконечность и вечность. Бесконечность дружбы, любви и счастья и вечность человеческого бытия. Об этом и пишет в своем романе писатель Яков Шафран.

Геннадий Маркин,
член Союза писателей России

ПОИСКИ ИСТИНЫ

(О новой книге Сергея Лебедева «Своя дорога»)



Так совпало, что почти одновременно в конце 2015 года вышли в свет две книги, казалось бы, не совсем связанные друг с другом. В городе Красноярске был издан библиографический и биографический справочник «Литераторы Енисея: от истока до устья», одна из глав которого посвящена постоянному автору журнала «Приокские зори» Сергею Лебедеву. Почему в Красноярске? Да потому что география публикаций произведений поэта обширна — это и Нижний Новгород, и Самара, и Тольятти, и Красноярск, и Санкт-Петербург, и Тула. Вот поэтому и оказалось имя Сергея Лебедева среди литераторов Красноярского края и Хакасии, как автора, заявившего о себе во всероссийских и региональных изданиях, в том числе и в журнале «Новый енисейский литератор».

Вслед за справочником увидел свет новый сборник произведений Сергея Александровича уже как постоянного автора и члена редколлегии журнала «Приокские зори». В сборнике с названием «Своя дорога», изданном в серии «Приложение к журналу «Приокские зори», автором представлены стихи и проза. Мысли, которые Сергей Лебедев выращивает в стихах, не становятся внезапными открытиями для читателя. Это мысли о жизни, назначении человека, о любви, приходящие в минуты размышлений. Но то, о чем говорит поэт в своих стихах — не случайно, написаны они не на потребу. Это размышления ищущего человека, хотя и выбрана, и пройдена часть пути. А путь этот не гладкий, среди розовых долин, наполненных лепестками роз, а ухабистый и трудный. Этот путь — литература и, понимая истину, поэт открывает свой сборник таким эпиграфом:

Ошибок было больше, чем открытий,
Но я прошел дорогою своей.
Конечно, не известный, а забытый,
Я уведу на водопой коней.

Пусть только миг, но испытаю счастье,
Когда в ночи я не вернусь назад.
Ну, а сейчас, без ложного причастья:
Всему, что видел, я, конечно, рад.

(Размышления, с. 18)

Восемь строк, но в них поведано столько, чего иной писатель не сможет описать в своем романе. Открывая внутренний мир, поэт доверяет нам свои мысли, которые открывают его взгляд на жизнь, на события, на отношения между людьми. Чтобы суметь выразить это в стихах, не обязательно иметь литературное образование, глав-

ное иметь внутренний интеллект, позволяющий увидеть некую тайну поэзии. Читаешь стихотворение «Я слышу», и понимаешь, что автор способен к открытию тайны шепота листвы деревьев ранним утром или тишины речного берега в минуты вечернего заката.

Не поверишь словам моим, дело твое,
Только врать никакого резона,
Знаю я, что порою кричит воронье,
И слова колокольного звона.
Слышу шепот листвы у тенистых аллей,
И журчанье ключа под березой,
Как колосья широких, дебелых полей,
Озабочены ветра угрозой.

(Я слышу, с. 26)

Отражение своего кредо и философии поэт провозгласил в стихотворении «Нет, не продам я душу суете». Прочитав его, понимаешь, что это короткое стихотворение написано «не в один присест», насколько чувствуется в нем откровение и боль поэта за Родину.

Нет, не продам я душу суете,
Не оскверню неуваженьем
К России, к матери, к мечте,
К лесам и далям с птичьим пеньем.

Пытаются мне в душу наплевать,
Глумясь над Родиной, открыто.
Не верить в прошлое, в отца и мать,
В глаза берез, дождем умытых.

(Нет, не продам я душу суете..., с. 29)

Не лишена поэзия Сергея Лебедева и сострадания ко всему живому в жизни, трогательны строки о случайно увиденном в стихотворении «Вера в любовь»:

Несмышленый, глаза в ресницах,
Тянет к мякишу теплый рот,
Он хозяина не боится,
И губами кусок берет.

А хозяин ласкает шею,
С белой звездочкой гладит лоб,
Но ударить, пока не смея,
Ощущает внутри озноб.

А теленок довольно чмокнул,
Голубые глаза поднял —
Обух в лоб! И хозяин охнул...
На колени телок упал.

(Вера в любовь, с. 37)

Раскрывается душа поэта во многих стихотворениях, объединенных в цикл «Припадаю к Руси». Это «Мы из одной деревни», «Основы мирозданья...», «Письмо родителям», «О русской душе», и «Родине предков».

От полей, от сохи, от невода
В горький воздух меня увели,
Но поверь, где бы не был я,
Не забуду ветлужской земли.

(«От полей, от сохи, от невода...», с. 41)

Мы из одной деревни,
Ее названье — Русь.
И потому, наверно,
К истокам снова рвусь.

(Мы из одной деревни, с. 42)

...Россия, из последних сил
Ты тянешь газовые жилы,
Я удивляюсь, как мы живы,
Нас мор вселенский не скосил?

(«Россия, бедная моя...», с. 43)

...Заброшенных погостов,
Оставленных домов
Мне слышны крики
в росталь
Без слов,
Без слов,
Без слов.

(«Основы мирозданья...» с. 45)

Поэт уверенно и открыто заявляет свою гражданскую позицию в циклах стихотворений посвященных Великой Отечественной войне и событиям на Украине. Читая стихотворения, понимаешь, что каждое из них Сергей Лебедев пропустил через свое сердце. В стихотворениях о войне следует отметить «Балладу о телогрейке». Проникновенные стихи о любви и надежде, которая живет в сердце женщины до того мгновения, пока она не получает известие о гибели от собственного мужа.

Нельзя без волнения читать стихотворения «До Кыеву дяде Пете» и «Донецкая молитва». Война сама по себе страшна, но, пожалуй, нет большей жестокости и несправедливости на земле, когда на войне погибают незащищенные и безвинные дети.

...Дядя Петя, спаси, пожалуйста,
Застрелили мамулечку вечером,
Целый год мы без детства и радости,
Нам и кушать в подвале нечего.

А дружок наш Колесник Мишенька
Без руки он в больнице, израненный,

Из ушей кровь течет, не слышит он,
Горько плачет о нем его маменька.

(До Кыеву дяде Пете, с. 76)

...На асфальте лужи крови
И воронки от разрывов,
Нет страшнее детской боли...
В жилах наша кровь застыла.

(Донецкая молитва, с. 77)

Искренняя неподдельная чистота звучит и в строках большой поэмы автора «Воспоминание о деревне», написанной хорошим русским языком и предназначенной для чтения юному поколению. Настрой и суть поэмы определяют отношение Сергея Лебедева к истории России, его «любовь к отеческим гробам». Всего лишь несколько строк из сказанного, но уже по ним можно понять с каким глубоко лирическим настроением автор выразил свои переживания, отображая в поэме события, коснувшиеся его семьи в двадцатом веке.

...И детства мне святая память
Опорой будет до конца,
Незыблем дом, его ведь ставят
На крепость нижнего венца.

Дожди и бури, и ненастья
Порой испытывал в судьбе,
Но одолел я все напасти,
Ведь сила русского — в родне.

...Поникли избы у дороги,
Подгнили старые кресты.
А на иконах лица строги...
Прости нас, Родина, прости.

А Русь уходит в лес и травы,
И не прощает нам она,
Проросшей импортной отравы,
Что забываем имена.

...Двадцатый век, десятилетье
Тридцатых сумрачных годов,
Я не сторонник разных сплетен,
У правды несколько ходов.

Мне эту правду не осилить,
Но строго нечего судить,
Как пуля, бьет она навылет,
Какой свинец в ту пулю лить?

...Знакомых всех и незнакомых
Средь елей вековых приют...

Деревня ждет решений новых,
Но на ее судьбу плюют.
Уходит слово и дыханье,
Летят по небу имена,
С надеждой робкое прощанье,
А нам — другие времена.
И ворон медленно кружится,
И на могилах — тишина,
За их бессмертье — нам молиться,
Им — рай и неба вышина.

(Воспоминание о деревне, с. 125)

Хочется несколько слов сказать о прозаических произведениях Сергея Лебедева и в частности остановиться на эссе «Одиночество поэта». Автор посвятил его отмечавшемуся в 2015 году 120-летию со дня рождения русского поэта Сергея Есенина. Литературных работ посвященных Сергею Есенину за все годы издано бессчетное количество, поэтому автор поставил перед собой трудную задачу — еще раз сказать о поэте, теперь уже свое слово. Надо отметить, что это у него получилось. С.Лебедев избрал оригинальную форму эссе, а именно — обращение лично к поэту. Ведь письмо — это живой материал, который позволяет оживить в своих словах того, к кому он обращается.

Эссе Сергея Лебедева было опубликовано в третьем номере журнала «Приокские зори» за 2015 год. За эту публикацию в литературном конкурсе Самарской региональной организации РСПЛ «Волжское слово» Сергей Лебедев был награжден дипломом «За лучшую публикацию в 2015 году».

Для читателей, открывших сборник произведений Сергея Лебедева «Своя дорога», будет интересно и полезно в очередной раз познакомиться с творчеством тольяттинского поэта.

Ольга Борисова,
Председатель Самарской
региональной организации РСПЛ,
поэт, поэт-переводчик.

Борис Рябухин
(г. Москва)

«МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ...»

Размышления о книге Светланы Замлеловой «Скверное происшествие»*

Рябухин Борис Константинович — поэт, член Правления Академии российской литературы

В Сибири услышал я от одного писателя каламбур: «Чуть чего — мы за Тютчева». Сейчас заговорили о все о патриотизме. Наверное, неслучайно. У нас готов «проверенный» годами символ патриотизма — емкое и краткое стихотворение Федора Тютчева.

Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней, особенная стать —
В Россию можно только верить

Это стихотворение было написано Федором Тютчевым на клочке бумаги, и оригинал хранится в Пушкинском Доме. Впервые оно напечатано в сборнике «Стихотворения Ф. И. Тютчева», М., 1868.

Привожу автограф в его в оригинальной пунктуации неслучайно, после слова «Умом» тире, запятая после слова «У ней» и в конце нет точки. Потому что эти знаки как-то объясняют мое рискованное утверждение, что текст нами — патриотами понимается неправильно. На самом деле стихотворение выражает не гордость за Россию, а иронию, точнее сарказм Тютчева, который жалеет такую непонятную родину, как жалеет распятого Христа. Отсюда и остается одно — «верить» в нее, как верим в Бога.

Не размахивайте руками!

Так же не понимаем мы сарказм Николая Лескова в образе Левши. Мы гордимся, что самородок может подковать блоху. Но ума, знаний у него не хватает понять, что танцевать заводная блоха с подковами не будет. Отсюда и слова легендарного генерала Платова своим удалым казакам: «не чистить ружья кирпичом!».

Вот на таком понимании мудрости жизни и ведет «посмертный» рассказ герой романа Светланы Замлеловой «Скверное происшествие».

С писательницей Светланой Замлеловой я познакомился через ее книгу «Гностики и фарисеи», редактируя ее с большим удовольствием в издательстве «Художест-

* Светлана Замлелова «Скверное происшествие». История одного человека, рассказанная им посмертно. Роман. — М.: Буки Веди, 2015. — 230 с.

венная литература». Наибольшее удовольствие мне доставляло, капнутые по капле в каждом произведении книги забытые нами замечательные русские слова. И в это книге я, как драгоценности, встречал такие слова. «А впрочем, *опаздничивость* всегда была характерной моей чертой, я довольно часто всюду опаздывал», — прочитал я в главе «Скверное происшествие»

Я получил от нее в подарок отличную книгу «Скверное происшествие». Читаю: «Доводилось ли вам испытывать то чувство, когда отчетливо понимаешь, что сущность твоя многолика? И что эти лики неусыпно следят друг за другом и неусыпно друг друга оценивают...»

Доводилось мне, доводилось! Еще в юности в своем венке сонетов о 14 друзьях, обращаясь к одному из друзей, я писал: «Нам по семь лет, нас больше нет, не узнаю тебя другого!» А рассуждая, нашел ответ на давний вопрос: куда подевались мои сущности в 5 лет, в 25 лет, в 50 лет, да каждого года сущности мои? Да никуда не делись! Ведь они же не могли умереть, если я живой. Они всегда во мне «многоликом», как точно сформулировала Светлана Замлелова. Я называл себя другим словом — во мне «полифоничном».

И вот новая глава — «Город». И опять у меня подтверждение единомыслия с автором. Читаю — и показываю одновременно мастерство прозаической фразы: «Среди прочих наблюдений, сделанных мной при жизни, интереснейшим, я считаю — об оскудении любви. Не знаю, когда это началось, но уверен, и к двадцатому веку человечество почти утратило способность любить», — говорит герой (мертвый!) романа.

Кстати, надо сказать, что подзаголовок «История одного человека, рассказанная им посмертно» — это не фантасмагория, которой с удовольствием грешат русские писатели от Островского до Булгакова и т.д. Я согласен, что герой — автор умер и стал рассказывать о себе после своей смерти. Но слово «посмертно», вроде, не подходит? Ведь оно означает действие живых, рассказывающих слова почившего человека? Посмертно награжден. После смерти. А герой романа сам рассказывает с того света. Тогда можно написать: «История одного человека, рассказанная им с Того Света». Помнится, нашумел в советское время роман, в котором умерший слышал из гроба, как его «поминали» родственники. Но он не становился в этот миг рассказчиком своих впечатлений.

А что касается единомыслия с автором, то я в юные года на собрании в Союзе писателей СССР, по молодости, выступил со своим «открытием». В изданной в 1976 г. в «Молодой гвардии» книге «Первая любовь», повести и рассказы, где представили о любви свои произведения русские писатели (Тургенев и Достоевский, Бунин и Чехов, советские прозаики Ю. Казаков, В. Лихоносов, В. Шукшин, Ф. Искандер...). И поразился, как убывало от шедевра к шедевру это великое чувство любви. Так и сказал — «измельчала любовь». Хотя Фонвизин и писал о том, простолюдины роман начали с конца. Думал, что достанется за гордыню. Но нет, некоторые писатели в буфете ЦДЛ со мной согласились.

Что-то я больше пишу о себе, а не о книге Светланы Замлеловой. Но таких совпадений единомыслия с автором романа не счесть. И я тоже одному автору книги в библиотечке журнала «Молодая гвардия», намекнул, что фамилия Дурасов как-то не соответствует его «умной» книге. Видимо, это тот Дмитрий Дурасов, который написал недавно книгу «Деревянная Свинья: Мифология жестокой любви». Вод до чего скатилось это чудо — пира человеческих чувств. Но мой автор не стал, как романный Поцелуев, менять свою фамилию на «Керенский». Осадил меня так, что я покраснел от своей нетактичности, и поделом мне. Ведь с такой именитой фамилией, например, был автор в дореволюционной России В. Дурасов, написавший «Гербовник всероссийского дворянства» и «Дуэльный кодекс»...

Радуясь актуальности книги, приведу еще сравнение события из главы «Скверное происшествие» — с прочтением героя своих стихов (похожих, вроде, на стихи Константина Фофанова), за общим столом. Это неожиданное прочтение, которое не только поразило (даже «заткнуло», как в «Ревизоре») враждебно настроенных к нему гостей, особенно «лидера» этой компании Мишенькина.

Как оно похоже, вместе с героями, на недавний телевечер ведущего поэта Игоря Волгина, пригласившего Евгения Евтушенко на встречу, посвященную памяти поэта Александра Межирова. Видимо, из тактических соображений?

«Я проболтался Мишеньке, что балуюсь стишками. Что тут началось! Он хохотал так, как будто в жизни не слышал ничего смешнее. Это был искусственный, нарочитый смех, тем самым Мишенька просто указывал мне на мое место».

И в точности так смеялся Игорь Волгин, когда все время молчавший Евгений Евтушенко вдруг сказал, что уговорил Межирова, что поправит конец замечательного его стихотворения, и прочел принятый Межировым результат. А Волгин ревниво не сдержался и осмеял поэта, сказав: «Это уже не Межиров, а только Евтушенко!» Тот промолчал. Промолчали и собеседники.

А в книге после чтения стихов тоже сначала — молчание гостей. «...Они не могли этому верить, отчего и вышла заминка. Они не знали, как теперь вести себя. Но на помощь к ним пришел Мишенька (Волгин?):

— Как, как? Коня «добронравного»? — спросил он и громко фыркнул».

Не буду больше перечислять совпадения в книге с моими взглядами. Просто повторю из аннотации несколько слов о том, что новая книга Светланы Замлеловой — это философско-психологичекий роман, в котором личность рассматривается в контексте минувшей среды и эпохи. Это большое достижение талантливого автора писать об особенностях не своей биографии, как пишут некоторые критики, вроде меня, а особенностях жизни всех современников. То есть на лицо — мастерство автора рисовать картину своего времени, даже в фантастическом жанре.

А что касается упомянутых слов «философско-психологичекий роман», то это неслучайно. Потому что Светлана Замлелова, помимо литературной и широкой общественной деятельности, еще и кандидат философских наук (МГУ), защитила диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Искариота, который попал как раз в «скверное происшествие».

Сергей Прохоров
(г. Нижний Ингаш Красноярского края)

РАБОТА УМА И СЕРДЦА

Главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», член Международной Федерации русскоязычных писателей.

Уже одно название: «Зато мы делали ракеты» приоткрывает занавес сюжета романа, вернее, его характер, где-то слегка иронический, но с ностальгическими оттенками советской эпохи, легкой грустью по незабываемым 60-м, 70-м, 80-м годам минувшего столетия. Роман, скорее, документальный, что подтверждается множеством фотоиллюстрации того времени Их автор, фотохудожник Владимир Белтов. Многие фотографии любительские и, по всей вероятности, из личного семейного архива автора. А герои романа — советские интеллигенты, еще не сбросившие с себя пут классовой зависимости (из рабочих, крестьян), но уже почувствовавшие себя белой костью.

Такой вот ход мыслей вызвала у меня новая книга тульского писателя Алексея Яшина, вышедшая в г. Туле в конце прошлого года. Она еще, кажется, дышит свежими запахами полиграфического цеха. Прекрасно оформлена: закругленный корешок, цветные обложка и обертка. В 70-х так выходили в свет издания библиотеки «Всемирная литература». А иллюстрация лицевой страницы обложки и обертки — рисунок латвийского художника Олеси Янгол, предваряют три основных заповедей социалистического реализма — творчество, любовь, общественный труд.

Я не зря затеял разговор о книге с обложки. Именно по ней, по одежке встречают. А хорошую вещь всегда хочется не только подержать в руках, но и рассмотреть поближе и поглубже. Лично я с детства люблю аккуратные книжки и особенно, если с картинками. Поэтому, получив от Алексея Афанасьевича его новую книгу, сперва, игнорируя совет главного ее рецензора Леонида Ханбекова о «стиле» чтения, полистал, познакомился по фотоиллюстрациям с его героями, со временем, которое близко и понятно мне самому — современнику писателя Яшина. И этим не умалил основной сути романа, не потерял главной ниточки повествования, которую писатель вручил рассказчику Николаю Андреяновичу. А тот знает свое дело и то, о чем поведал досконально и в цифрах и в фактах.

О языке романа судить не берусь. Алексей Яшин — профессиональный писатель, имеющий за плечами и литературный институт им. А. М. Горького и бесчисленное множество литературных наград и международных премий. Слог повествования легкий, если не считать названий, терминов, фраз профессиональной инженерной технологии. Но, перефразируя реплику товарища Сухова (героя небезызвестного многим кинофильма): «Ракеты — дело тонкое». А вот описание колхозной повинности... Хотя для сегодняшнего нового поколения это что-то из другого мира. А нам — современникам 70-х, 80-х — это эпизоды из собственной жизни.

«Завершив суету с размещением и устройством своих лежбищ, народ, словно предчувствуя последний погожий денек, высыпал на улицу, сгрудившись у кухонно-

го домика, внутри которого поварихи Тоня и Тамара тихо и беззлобно переговаривались и гремели чем-то металлическим: видно, готовили свое новообретенное хозяйство к завтрашней заутренней готовке».

«Сорокалитровый бидон с молоком подогнали с колхозной фермы еще до наступления темноты с вечерней дойки и поставили под навес кухни.

— Не прокиснет, ночи прохладные,— заметил привезший на телеге бидон возница,— только до утра с кружками немытыми туда не лезьте, все скиснет».

«С клубно-школьного холма открывался в лучах спускающегося к горизонту неяркого солнца замечательный вид на разбросанные дома села с красными «комбайновыми» крышами. За селом — малая изгибистая речка, а за ней поднималось к дальнему лесу огромное свекольное поле, на котором виднелись бурты уже вырытой свеклы, ждавших поутру трудолюбивых инженеров...».

«...со стороны леса на дорогу выскочил местный лихач-мотоциклист со снятыми для громового форса глушителями.

— В сельмаг парень торопится за водярой или червивкой,— громогласно хохотнул подошедший сзади Лева. От него устойчиво пахло уже принятой на грудь — еще до общего ужина — поллитровки «зубровки»...».

Кстати, сельскохозяйственная тема в книге проходит периодически под немудреными и привычными в советское время заголовками-девизами: «Виды на урожай», «Битва за урожай». Это, видимо, авторская ирония. Но ирония, увы, не злобная, а добрая. И вообще Алексей Яшин — о чем бы ни писал, какую бы тему ни поднимал — делает все от сердца, сообразуя с разумом, опытом, накопленными знаниями, увязывая логику ума и сердца с жизнью.

И роман «Зато мы делали ракеты» — достойная работа ума и сердца писателя Алексея Яшина. И я уверен: раскрывший книгу, не захлопнет ее, полистав. Обязательно что-то прочтет, за что-то зацепится, что-то откроет для себя.

Инженеры 70-х... Любительское фото. Молодые специалисты запросто на развалинах мельницы строят цех по производству интегральных микросхем

А. А. Яшин

Владимир Белтов. Из цикла «...1980-е»